

МАРИНА ИНДИВИ
КСЕНИЯ ЛИТА

БЕСПРИДАНИЦА
ИСКРА КНЯЗЯ

Ксения Лита

Марина Индиви

Бесприданница. Искра князя

<https://litres.ru/74399923>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире драконов сила их правителей столь могущественна, что выдержать ее может лишь его личная Искра. Меня готовили к этому с детства, поместив в мое тело частичку его пламени. Я стану его женой, сосудом для его магии, той, кто выносит и родит для него ребенка. Точнее, женой я должна была стать, пока не стало понятно, что искра во мне прижиться не хочет. Хотя я всего лишь закрыла глаза в своем мире, а очнулась в теле этой несчастной девушки.

В отдаленной военной крепости, куда мне предстоит отправиться, Антония Эдельвейс угасла бы, как не желающая разгораться в ее теле искра. Вот только я не она, и сдаваться не намерена! Навести идеальный порядок в разворованном криминальном городке, всех построить? Не вопрос!

Дорогой супруг, а вы здесь с какой стати нарисовались? Князя у нас нежеланные гости!

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Невеста из парного теста. 1	10
2	17
3	22
4	27
5	33
6	39
7	45
8	50
9	57
10	62
11	67
12	72
13	78
14	82
15	89
Часть 2. Девушка из богатой столицы. 1	96
2	101
3	107
4	112
5	116
6	122
7	127

Конец ознакомительного фрагмента.

Бесприданница. Искра князя

Пролог

— Убилась! Ай, убилась, наверное! — донесся визгливый голос откуда-то из темноты.

— Ай, ай!

— Что ж делать-то теперь, а?

Насчет «убилась» я бы даже могла согласиться, вот только «убившиеся» не слышат криков. Так что мне повезло. Наверное. Я открыла глаза, но вместо обшарпанной квартирki старосоветского образца, куда поступил вызов посреди ночи, и где мне пальнули прямо в голову из двустволки, обнаружила раскинувшуюся вокруг себя долину.

Высокое осеннее небо с размазанными по нему штрихами облаков, пики гор, вонзающиеся в это самое небо. Я попыталась приподняться, и боль пронзила одновременно спину и ногу. Кажется, перелом. К счастью, не позвоночника, потому что я могла двигаться. К несчастью...

Я перевернулась на бок, как кулек, и обнаружила зеркальную гладь реки, на удивление спокойной для горной. Для реки это наверное было хорошо, а вот для меня — не очень,

потому что я увидела себя. И не себя одновременно: из отражения на меня глянула девица с глазами как у лани и длинными черными густыми косами, бледным лицом, перепачканным в земле, а еще девица была в теле.

То есть пухленькая.

Я, Анна Макарова, огребающая за свою фамилию и во время обучения, и во время службы в полиции была тощей с рождения и до... кажется, смерти. А еще я никогда не носила длинные волосы, с того самого дня, как в первом классе хулиган Укольников схватил меня за косу. Вообще-то я умела за себя постоять с детства, но в тот раз ему удалось меня ударить. Тогда я поняла, что волосы можно обернуть против женщины. Девушки, девочки. Буквально. И на следующий же день пришла к мачехе с просьбой о стрижке. Ей было все равно, поэтому она согласилась.

— Антония! Йяра Антония! — на фоне моего ошарашенного отражения в реке отразились еще две физиономии.

Две женщины, подлетевшие ко мне, тут же склонились, пытаясь развернуть меня на спину.

— Вы так упали, ай!

— Мы думали, вы забились насмерть!

— Как хорошо, что с вами все в порядке.

— В относительном, — сообщила я, морщась: перелом давал о себе знать.

Что-то мне подсказывало, что лучше пока побыть Антонией. Пока — это до того момента, как я разберусь, что во-

обще происходит, где я оказалась, как и почему. И как отсюда выбраться.

— Что болит?

— Вам нужен целитель!

Заахали они по очереди.

Девушки тоже были пухленькие, как и Антония, но одежды гораздо скромнее. Из того, что я успела выхватить в отражении помимо неродной физиономии, на ней, то есть теперь уже на мне — очень дорогой и качественный костюм для верховой езды, женский, с платьем, прикрывающим ноги. Одна из которых сломана.

— Да, от целителя не откажусь... — начала было я, но меня перебил высокомерный женский голос.

— Что здесь происходит?

Девушки подскочили и вытянулись по струнке, а я приподнялась на локтях. Женщина, приближавшаяся к нам, ступала как королева, в каждом ее движении сквозило высокомерие. Светлые волосы были убраны в высокую прическу, светлая кожа и такие же светлые глаза словно источали холод. На вид ей было лет пятьдесят, но могу и ошибаться, потому что у королевских особ уход другой. Королевский.

Она сделала знак сопровождающим ее мужчинам и приблизилась, глядя на меня сверху вниз как на то самое. Как раз в этот момент символично запахло навозом. Крылья ее аристократического носа дрогнули, в остальном идеальное лицо осталось непроницаемым.

— Потрудись объяснить, что здесь произошло, Антония!

— приказала она.

— Йяра Антония упала с лошади! — воскликнула девушка, которая стояла ближе ко мне. — Мы уж думали, уби-лась...

— Я не к тебе обращалась, — перебила девушку высоко-мерная стервь. — Антония! Потрудись встать, когда я с то-бой разговариваю!

Тоже мне, капитан полиции.

— Во-первых, я не могу встать, у меня перелом, — сказа-ла я. — А во-вторых, вас нормально разговаривать с людьми не учили?

Девушки издали какой-то странный, не поддающийся идентификации звук, и воззрились на меня не то как на ума-лишенную, не то с ужасом. Что же касается особы королев-ских кровей, у нее сверкнули глаза.

— Что ты сказала?! — Она раздула ноздри, как кобра ка-пюшон. А потом наклонилась ко мне: — Решила, что мой сын передумает, изменит свое решение, если ты сломаешь себе что-нибудь? Ну так вот, ты просчиталась! Твоя несосто-ятельность сказывается на репутации нашей семьи, а мы и так вложили в тебя слишком много.

— На вашего сына я совершенно точно не претендую. — холодно, в тон ей ответила я. — Хватит на меня шипеть.

Она снова сверкнула глазами, а потом замахнулась: оче-видно, чтобы дать мне пощечину. Инстинкты и обучение

сработали на отлично — я перехватила ее руку и швырнула враждебно настроенную даму на траву. Правда, не учла тот момент, что рядом стояла та самая лошадь, с которой я упала, и которая сходила в туалет. Особа королевских кровей приземлилась на свою пятую точку аккурат в навоз, подняв очередную волну зловония.

Девушки снова сдавленно ахнули. Сопровождающие ее мужчины бросились доставать королеву из дерьма.

Занавес.

Часть 1. Невеста из парного теста. 1

— Йяра, с вашей ногой все будет в порядке, — сообщил мне целитель, мужчина в возрасте, но с удивительно яркими рыжими волосами, без единого седого волоска. Он был среднего роста, глаза его лучились сотнями морщинок, когда целитель улыбался. Его возраст выдавали и лицо, и руки. А вот волосы — нет, удивительная у них здесь медицина. Или это горный целительный воздух? — Сегодня постарайтесь ее не нагружать, а завтра будете как новенькая, йяра Антония.

— Благодарю, — от души произнесла я.

Быть недееспособной для меня было смерти подобно. Хотя кому уж говорить о смерти: кажется, я только что ее обманула. А вот бедняжка Антония, судя по всему, нет. Она действительно упала с лошади и умерла.

— В целом постарайтесь себя щадить в ближайшую неделю, — сказал он, — ваша травма головы могла дорого вам обойтись.

Антонии уж точно обошлась.

— Даже поразительно... — Он словно смотрел в пустоту, разглядывая что-то над моей головой. — Такие повреждения, а вы так легко отделались. Я, конечно, тоже руку приложил, но вы так быстро исцеляетесь... даже несмотря на то,

что искра в вас приживаться не хочет.

— Искра?

— Ну как же... искра Князя. Вы что же, запомнили? Искра способствует скорейшему исцелению, но в вас она не активна. Вот я и удивился, как же так получилось.

— Я вампир, — выдала я, чтобы переключить внимание со своей забывчивости.

— Что?

— Ничего, — махнула рукой. — Не обращайтесь внимания, это у меня чувство юмора такое. Специфическое.

Целитель подозрительно посмотрел на меня, и я поняла, что надо придержать комментарии до лучших времен. По крайней мере, до тех, когда я начну лучше во всем ориентироваться. Пока что мне удалось выяснить, что я (то есть Антония) — невеста местного князя, а дама с претензиями — моя будущая свекровь. Как мы все оказались в такой при- скорбной ситуации, большой вопрос.

Еще я знала, что Антония упала с лошади, и что осмотревший подпругу конюх сказал, что она порвалась. Порвалась сама, или ей помогли? Я не была сильна в интригах, но я была сильна в раскрытии преступлений, и исходных данных было достаточно, чтобы заподозрить, что от Антонии пытались избавиться. Хотя мать князя упирала на то, что это сделала сама девушка, чтобы ее сын изменил какое-то свое решение, я бы на их месте изучила все версии.

Правда, они тут все, мягко говоря, странные. Кто строит

замки под землей?! А в скалах? Кто вообще может жить там, где нет окон? Впрочем, если убрать эти диковатые перемены, включая злую свекровь, предполагаемое замужество и место жительства в пещере, в целом места здесь были красивые.

Я успела насладиться, пока меня везли сюда в паланкине: реки и горы, мосты, величественная мощь спящих вулканов и горячие источники, от которых исходил древний живой жар. Словом, посмотреть здесь было на что, но расслабляться было совершенно точно не время.

Именно в тот момент, когда я об этом подумала, в комнату ввалилась личная гвардия королевы. То есть княгини.

— Как себя чувствует йяра Антония? — холодно осведомился тот, что стоял впереди всех.

Я была не в курсе местного табеля о рангах, но как-то сразу, даже не глядя на его погоны, догадалась, что он среди них главный.

— Сейчас уже все хорошо, — сообщил целитель. — Я срастил перелом, с травмой головы сейчас тоже все под контролем...

— В таком случае, йяра Антония, у вас есть полчаса чтобы одеться и привести себя в порядок.

— Что?! — возмутился целитель. — Вы с ума сошли?!

— Ты разговариваешь с главой личной гвардии ее светлости! — резко осадил его мужчина.

Он возвышался над целителем на две головы, сверкая гло-

бусообразной лысиной, и смотрел в точности так же, как его непосредственная начальница. Остальные стояли с каменными лицами, вытянувшись по стойке смирно.

— Все в порядке, — сказала я целителю: мне не хотелось проблем для человека, который мне только что помог. В конце концов, я сама могу решить свои, и уж точно могу поставить на место всех, кто считает, что Антония — девочка для битья.

Больше того, я сама очень хотела переговорить с особой, которая здесь всем заправляет. Возможно, когда она поймет, что я не претендую на ее сына (почему-то князь представлялся мне шупленьким маменькиным подкаблучником), нам и делить станет нечего. Может статься, она даже уехать мне поможет, еще и платочком помашет вслед.

Одеваться мне помогали Эльга и Залла, те самые девушки, что сопровождали меня на прогулке.

— Ох, не к добру княгиня хочет вас видеть, — сообщила Эльга, блондинка с густыми, обернутыми вокруг головы косами. Но я уже поняла, что это местная мода или, по крайней мере, мода из мест где родилась Антония. Потому что ее (то есть меня), Эльгу и Заллу отличал едва уловимый акцент на языке, который мне понимать совершенно точно не полагалось.

Но я его понимала. Помимо языка у меня в памяти еще то и дело вспыхивали картинки из прошлого Антонии. Правда, крайне разрозненные и совершенно отказывающиеся со-

браться в нормальную последовательность: возможно дело было в травме головы, о которой говорил целитель. А может быть, просто требовалось время, чтобы адаптироваться к новой реальности.

— Да, добром от нее и не веет, — автоматически ответила я. — Давайте я вам помогу, девчонки.

Не знаю, от чего они опешили больше: то ли от моего предложения помочь, то ли от заявления.

— Да сидите, сидите, мы сами уложим вам волосы! — пробормотала Залла.

Она тут же быстро подхватила все шпильки, которые я собиралась ей подавать, как будто от этого зависела ее жизнь. Больше я предлагать не стала, решила отложить на потом, тем более что с платьем помогать у меня вряд ли бы получилось. Разобраться во всех этих хитросплетениях средневековых костюмов, что за чем идет, что в каком порядке надевается, а главное — как застегивается, и главное чтобы без вывиха.

В итоге девочки совершили невозможное, я и правда была готова через полчаса. Вот только пришедшие за мной гвардейцы привели меня не в покои для приватной беседы, а на площадку на огромной высоте, расположенную между скалами и башнями, вырастающими там и тут как образцы местной архитектуры.

Я не успела даже удивиться, как меня уже совсем неучтиво схватили и потащили к помосту, установленному стро-

го по центру. Мимо выстроившихся гвардейцев, прислуги и непонятно кого еще — словом, толпа здесь собралась нешуточная. Возвышаясь над которой, на переносном троне сидела княгиня. На помосте стоял мужик с хлыстом, и это мне совсем не понравилось.

Одного из тех, кто меня тащил, мне удалось отшвырнуть даже в платье, но на помощь ему тут же бросились еще четверо. Проклиная всех, кого только можно за то, что согласилась надеть этот кошмар, я брыкалась и ругалась, явно шокируя местную аристократию и даже прислугу. Пока меня не привязали к столбу и не сдернули платье со спины.

— Антония Эдельвейс, вы будете наказаны за непочтительное отношение к ее светлости! — пафосно провозгласил кто-то.

За спиной раздался характерный свист и удар о помост — это палач примерялся.

Рискуя выдернуть себе запястья, я снова дернулась, но в этот момент увидела дракона. Огромный, серебристо-белый, он летел прямо на нас, и я широко распахнула глаза. Толпа шарахнулась в сторону, чтобы дать возможность этому монстру зайти на посадку. Но совершеннейший шок у меня случился, когда на моих глазах эта махина превратилась в мужчину с длинными серебристыми волосами, такими же неестественно-светлыми глазами, как у княгини, и, как принято говорить у меня на родине, «косая сажень в плечах».

Он вышел из развевающейся огненно-серебристой дым-

ки, как будто так и должно быть, и его голос рокотом разнесся над собравшимися:

— Что здесь происходит?

Я бы ответила, но, кажется, у меня сломался голосовой аппарат. Я была неместной и, соответственно, не привыкла к драконам, превращающимся в мужчин, которые выглядят то ли как герои из западных фильмов, то ли как злодеи из восточных. Мужчины, не драконы!

Хорошо хоть на теле этого драконобожества (со стопроцентной уверенностью заявляю, обычные мужчины просто не могут так выглядеть!) из огненных искр и клубящейся во-круг магии соткались белые одежды, выполняя свою главную роль — прикрывая то, что они должны прикрывать, и мое оцепенение прошло. Если, конечно, не вдумываться в сам факт того, что я только что впервые жизни увидела дракона. Которые тут существуют! И превращаются в красивых мужиков!

Я мысленно дала себе затрещину, потому что, как известно — чем мужик красивее, тем больше у него... эго! Учитывая, что этот умеет летать, у него эго, наверное, как до небес и обратно. А судя по тому, что даже княгиня притихла, у дракона еще и звание высокое.

Остальные не спешили отвечать, и дракон направился прямо ко мне. Даже не представляю с какими намерениями. Я начала быстро соображать, как бы от него отбиться, пока не стало слишком поздно... Раз — сковывающие мои

руки веревки распались, два — накидка с плеч дракона перетекла на мои, окутывая своим теплом, если не сказать — жаром, три — меня задвинули себе за спину.

Если кто-то такого не ожидал, тот я! Я привыкла сама себя защищать, а тут, получается, меня спасли. Впору начать разрываться между благодарностью и чуйкой, которая привычно искала подвохов.

— Я жду ответа, — напомнил дракон толпе, и к княгине наконец-то вернулся дар речи. Еще бы, ненаказанная я утекла из ее мстительных паучьих лапок!

— Ваша светлость, — она поднялась с трона, — Антония должна понести заслуженное наказание.

Ваша светлость?!

Я всегда гордилась своей наблюдательностью, но, здесь, видимо, мое представление о князе, как о любимом сыночке, который делает все, что скажет мамочка, сыграло со мной плохую шутку. Нет, то, что они родственники, я могла предположить, но то, что это и есть мой жених? Внешность, конечно, обманчива, но ауру силы и властности не подделаешь. Этот мужик, то есть дракон привык всех нагибать. Да и княгиня побледнела — явно превысила полномочия и думает, как теперь отмазаться!

— И что же она сделала?

Молчание на площади вышло на новый виток. Лицо ее светлости из молочно-белого мягко перетекло в нежно-розовый, а мне пришлось с силой закусить губу, чтобы не прыс-

нута со смеху. Нервного. Потому что признаться в том, что несостоявшаяся невестка толкнула ее в кучу какашек, это нужна о-го-го какая смелость! Не говоря уже о том, чтобы об этом согласился рассказать кто-то из ее гвардейцев или остальные: все свидетели потупили взоры, словно разглядывание собственной обуви стало для них всех самым важным делом. Я их понимала: никто не хотел оказаться на моем месте, с поправкой на отсутствие княжеской поддержки.

Впрочем, я быстро поняла, что насчет поддержки дракона я сильно погорячилась, потому что он повернулся ко мне и припечатал взглядом к помосту. На службе я привыкла к тому, что старшие по званию смотреть могут по всякому, но от того, как сейчас смотрел на меня дракон, у меня по коже словно побежал мороз.

Может, дело было в том, что глаза у него были белые. Создавалось впечатление, что дракон полностью слепой. Но судя по тому, что он смотрел на меня... *Какон* смотрел на меня, князь прекрасно видел. Возможно, даже лучше остальных. Или нет?

— Что ты натворила, Антония? — От его низкого рокочущего голоса мурашки по спине побежали с удвоенной скоростью, а я почувствовала себя как минимум без накидки. Как максимум без платья. Впрочем, взгляд князя не был раздевающим, он был препарирующим, словно он мысленно разбирал меня на составляющие, чтобы добраться до самой сути. Жуткое чувство!

Вцепившись в края накидки, я оттапоровала:

— Сломала ногу, упав с лошади. — А заодно шею. Твоя невеста того, князь! Но я тебе об этом не скажу, потому что не хочу, чтобы хлыст в руках палача быстренько сменился топором. Не просто так мироздание дало мне второй шанс, чтобы я так глупо его прохлопала!

— И этим нанесла оскорбление моей матери? — вздернул густую бровь дракон.

Придется признаваться, поняла я. Посмотрела на княгиню, которая перешла в новый оттенок, уже не стыда, а злости. Пятьдесят оттенков красного ее светлости!

— Не этим, — я оторвала взгляд от жутковатых глаз князя и кивнула на драконью мать. К сожалению, голос у Антонии был очень высоким и при этом тихим, словно она не привыкла говорить громко или вообще много разговаривать, а с такими драконами надо разговаривать на равных. — Я испугалась и случайно толкнула княгиню в...

— На землю! — громче чем положено столь высокопарной особе перебила она меня, прокашлялась и продолжила уже своим привычным уверенным тоном: — Эта бесприданница толкнула меня! Этого достаточно для наказания, Риаран!

Когда князь снова вернул свое внимание маме, я рвано выдохнула. Давно не испытывала такого напряжения, последний раз кажется, когда была курсантом в институте МВД. Даже перед своей смертью на Земле не успела проник-

нуться остротой момента, а сейчас — пожалуйста!

Как оказалось, это все были цветочки, потому что от следующих слов дракона по спине не то что холод побежал, от них меня словно в сугроб бросили.

— Эта бесприданница пока что *моя* невеста, — прорычал он, выделив слово «моя». — Если кому-то ее и наказывать, так это мне.

Менять шило на мыло, то есть месть княгини на наказание дракона мне совершенно не улыбалось. Но когда князь властно приказал:

— Иди за мной, — я даже не подумала о том, чтобы этот самый приказ проигнорировать. Может, во мне осталось что-то от Антонии, а она привыкла исполнять княжью волю беспрекословно, может, сработал служебный рефлекс выполнять приказы начальства, но факт оставался фактом — ноги сами понесли меня следом за драконом.

Ну и не оставаться же рядом с этой неадекватной.

По пути я сдернула остатки веревок с запястий и ускорила шаг, он у Антонии тоже был небольшим, а князь не делал на это скидку. Пока мы шли темными коридорами, он вообще ни разу не обернулся, чтобы проверить, иду ли я за ним. Меня даже посетила лихая мысль нырнуть в боковой коридор и сбежать, но я прекрасно понимала — поймают и вернут на помост. Но кто знает, что хуже: удары плетью или придуманное наказание князя?

У меня пока не получалось собрать воспоминания Антонии в единое целое, но я прекрасно уловила чувство по отношению к дракону. Страх. Она его боялась. До трясущихся поджилок. До дрожащего голоса. До темноты перед глазами. Командного голоса. Подавляющего роста. Его пугающей

силы и власти. Я к командным голосам привыкла с детства: отец часто не сдерживался в выражении эмоций, мог ввернуть крепкое словцо, если злился. В институте и на службе тоже командиров хватало, в полиции вообще трепетным ланям делать нечего. Если ты еще и женщина, с тебя спрос в мужском коллективе двойной, а может и тройной. Либо становишься жесткой и флегматичной, учишься относиться ко всему этому если не с юмором, то с пониманием, либо ищи другую работу!

Проблема состояла в том, что здесь привычные правила и законы не работали. Мне грозила не отставка, а... пытки? У них тут крепостное право или что? Как князь вообще собирается меня наказывать?

По коже снова побежали мурашки — предвестники чего-то зловещего, но, в отличие от Антонии, я не собиралась смиренно принимать драконью волю и наказание за то, что уронила его маму в навозную кучу. Судя по характеру княгини и тому, как легко она подвергает пыткам всех подряд, она это целиком и полностью заслужила!

— Ваша светлость, — я все-таки догнала дракона и пошла рядом с ним, — вам не кажется, что прежде чем наказывать меня, стоит опросить свидетелей и составить объективную картину случившегося?

Князь посмотрел на меня, как на надоедливое насекомое, а затем толкнул очередную дверь, и мы оказались в огромном кабинете. Ничем другим эта комната просто быть не

могла: стеллажи с книгами, массивные столы из черного дерева с отполированной поверхностью, один с картами, другой с письменными принадлежностями, удобные даже на вид кожаные кресла.

— Думаешь, кто-то поддержит тебя, а не мою мать? — поинтересовался он со скепсисом.

— Думаю, никто не осмелится вам солгать, — ответила я, останавливаясь и украдкой рассматривая кабинет князя. Я здесь была впервые, а вот Антония нет, и она боялась этой комнаты, как источника боли и унижения. Если бы я знала, что у них тут случилось, но мне были доступны только чувства, не картинки. Словно эти воспоминания девушка-тихоня старалась забыть или вовсе унесла с собой.

Князь раздраженно потер переносицу и подошел ко мне. Пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в глаза, и я с удивлением заметила, что в полутьме подобных пещерных помещений его радужка потемнела, став светло-серой. Правда, от этого выглядеть человечнее дракон не стал. Наоборот, эта сталь светилась каким-то жутковатым потусторонним светом.

— С тобой много проблем, Антония. С тех пор, как ты появилась здесь, не проходит и дня, чтобы с тобой что-то не случилось.

— Может, дело в не...

— Молчи, — приказал дракон. — Я бы мог со всем этим смириться, не будь ты моим главным разочарованием. Что

бы я ни пробовал, ты все равно продолжаешь сопротивляться...

Его голос затягивал, и я почувствовала себя змейкой, которая качается под музыку играющего на флейте факира. Ощущение стало таким, словно я себе больше не принадлежу: меня словно парализовало от ужаса, которое запомнило это тело. Пригвоздило к полу драконьим взглядом.

Я захотела пошевелиться, но не смогла: пальцы князя сомкнулись на моих плечах. А затем он склонился ко мне и коснулся сухими губами моего лба. Поцелуй проще целомудреннее некуда, но все мое тело будто прошло молнией. Причем ощущения были не для красного словца: с губ Риарана сорвалась искра, ослепительно белый сгусток мерцающей магии, и этот сгусток ворвался в мое тело, причиняя такую невыносимую боль, что даже я заорала.

Заорала и выключилась.

А пришла в себя на ковре у ног князя. Мокрая как мышь, меня колотило от пережитого, я хватала ртом воздух и вместе с тем пыталась отползти от дракона подальше. Если он собирается продолжать в том же духе, то верните меня к княгине!

Но Риаран всего лишь пренебрежительно на меня посмотрел.

— Ты меня разочаровала, Антония. Ты не способна принять мою силу, поэтому в ближайшее время я соберу в замке достойных претендентов и выберу новую Искру. Тебе здесь

больше нечего делать.

То есть, он сейчас подверг меня пыткам, а виновата я?

Дракон удостоил меня очередным ледяным взглядом и отошел к столу с картами.

— Ты отправишься в крепость на границе с Рованом и проведешь там остаток своих дней. А теперь прочь.

Не знаю, как я себя собрала, но у меня получилось подняться и разве что не по стеночке выползти из логова князя. Не представляю, что там за крепость, но лучше край света, чем быть Искрой этого бесчувственного чудовища!

Всю ночь у меня дико болела голова, но звать целителя, который помогал мне с переломом, я не стала. Во-первых, поняла, что лучше лишнего внимания к себе сейчас не привлекать, во-вторых, я рассчитывала как можно скорее отсюда уехать, а то кто их знает. Может, у князя проснется совесть, и он решит не отправлять меня с головной болью в серьезное путешествие. Сомнительно, но проверять не стоит.

Мир, в который я угодила, напоминал мне нечто отдаленно похожее на раннее средневековье с его феодальным строем, прямо как по учебнику истории. Вот таким вот разорившимся феодалом и был мой отец, то есть тьфу, отец Антонины. Впрочем, сказать, что мне его не было жалко — значит, ничего не сказать. Этот, с позволения сказать, господин зачал моего брата, а после меня, при этом не упускал ни единственной юбки и частенько пользовался правом первой ночи. Поэтому когда он, отпраздновав очередную свою годовщину рождения, в премного невменяемом состоянии свалился со стены пришедшего в упадок замка, никто не расстроился, даже моя матушка. Могу поспорить, что ему помогли, но кто ж теперь с кого спросит.

Мой брат к тому времени уже давно поступил в оруженосцы другого более успешного феодала, а матушка с радостью укатила в дальние дали со своим любовником, который

в свое время был оруженосцем отца.

Тра-ля-ля-ля.

И все бы ничего, но осталась я. Искра Князя, которую забрали из загнивающей провинции. По всем параметрам я подходила Риарану, Великому князю Эйрузии идеально. Искра в меня впиталась еще когда мне было три годика, отец прыгал до потолка и от радости закатил пир на весь мир. Он вообще любил пиры закатывать, как будто ему в детстве не объясняли, что средства (даже те, что получены за дочу в качестве Искры) имеют обыкновение заканчиваться.

Его мертвую за... в общем, его репутацию прикрыли, чтобы не выглядело странным, что Великий князь женится на дочери алк... феодала со странностями. Иными словами, для истории его убили враги, они же похитили его жену, сын находится в благородном услужении, а дочь — что ж делать, придется забрать с собой, пока родовой замок, не иначе как теми самыми врагами подубитый, восстанавливается.

Меня же отдали на воспитании княгине Валенсии и затем в ее фрейлины до того, как мне исполнится восемнадцать, чтобы я смогла стать женой князя. И тут случилось досадное: вместо того, чтобы активно развиваться, искра в теле Антонии начала гаснуть. Все впали в шок и расстройство, особенно княгиня, которая и до этого милым нравом не отличалась, а теперь так вообще принялась Антонию всячески чмырить. Пощечины, стояние на горохе, прочие радости жизни — это было для нее обычным делом. Князь в бабские дела не вме-

шивался, у него своих хватало, поэтому Антония с десяти лет росла запуганной и лишний раз рот боялась раскрыть. Никто с ней нормально не общался, кроме Нияры, сестры князя, которую добрая матушка в детстве скинула в вулкан, чтобы спровоцировать у сына обратный оборот из дракона в ребенка.

В общем, не семья, а радость психолога. И это еще я не знала, каким тут был отец, его Антония не застала. К тому моменту, как ее забрали в скалистые замки Эйрузии, князь-старший уже сказал: «Чудите тут без меня», — и отдал душу местным богам.

Все это я записала на скорую руку, чтобы у меня была объективная картина мира, и сунула листы под подушку: подзреваю, что именно из-за скорости поступления в мой мозг новой для меня информации голова и болела. А не взорвалась она только потому, что принадлежала Антонии, и вроде как уже была хранилищем всего, что сейчас мне выкатили.

Вот примерно на этих мыслях я и вырубилась, а проснулась, от тихого голоса:

— Антония! Тони!

Я разлепила веки и села: для меня было не привыкать подрываться после бессонных ночей и тренировок на что-то экстренное. Передо мной сидела Нияра, ее красивые светлые волосы были собраны наверх, открывая и прекрасную часть лица, и обожженную, и я с трудом подавила сдавленный выдох. Оказалось, что в реальности это выглядит еще больше,

чем в воспоминаниях. Я знала, что именно мать запрещает ей прикрывать ожоги — мол, это честь, символ того, что ты спасла своего брата, и сейчас меня просто перетряхнуло всю от желания снова уронить княгиню в навоз. Только на этот раз уже надменным лицом и от души там повозить.

— Пр... доброе утро, — я потерла глаза, потому что тело Антонии не желало сотрудничать с моими инстинктами.

— Если оно доброе, — пробормотала та.

— Ну, мы живы, это уже радует, — хмыкнула я.

— Я говорила вчера с братом, — произнесла она, глядя на меня, — просила, чтобы Риаран позволил тебе остаться, но мне не удалось его убедить. Прости.

Какая радость!

— Спасибо, что попыталась, — я коснулась ее руки. Мне не хотелось обижать эту женщину, тем более что она была единственной из этой семьи, кто был ко мне добр. К Антонии.

Отношения Антонии с князем пока остались в моих воспоминаниях за кадром, как будто их что-то блокировало — например, чрезмерно травматичный опыт. Но я и так догадывалась, что ничего хорошего там не было.

— Мне так жаль! — всхлипнула она и порывисто меня обняла. — Я так надеялась, что у вас все получится... но в то же время... может быть, так даже лучше?

М-да. Если даже собственная сестра-близнец говорит, что женщине лучше от тебя бежать, мужик, это повод задумать-

ся о своем поведении.

— Да. Да, думаю так будет лучше, — я неумело обняла ее и похлопала по спине.

Объятия мне всегда удавались не очень. В моей семье все было конкретно: мама ушла от отца после его первого ранения на службе. Просила, чтобы он уволился и устроился в какой-нибудь ЧОП, отец отказался. Они развелись, и, когда я выбрала остаться с ним, потому что мне казалось, что неправа именно мама, мы с ней почти перестали общаться. Она очень сильно на меня обиделась. А я... ну, я пережила и пошла дальше.

Отец дослужился до майора и погиб, когда я только-только поступила на первый курс института МВД. Мачеха закрутила новый роман. Мама к тому времени уже уехала с новым мужем в Европу, так что, наверное, мне бы тоже не помешало ходить к психологу. Но отец воспитал меня так, что собственными чувствами ни с кем не надо делиться, и я не делилась.

Поэтому когда мой жених за пару дней до выпуска сообщил, что уходит к моей лучшей подруге, я поорала в подушку и решила, что надо жить дальше.

— Ты какая-то странная, Тони, — произнесла Нияра, отстраняясь и вглядываясь в мое лицо. — Плакала всю ночь, да?

Спасибо воспоминаниям, побудившим меня делать заметки: красные глаза были сейчас очень в тему. Антония

очень часто плакала, и я не стала отнекиваться, только тяжело вздохнула.

— Что, если я поеду с тобой? — неожиданно спросила она, поглаживая меня по спине. — Думаю, брат не откажет... а мать... ну, она тоже не откажет, если я скажу, что хочу проявить благородство.

— Ты хочешь отправиться со мной в гарнизон?! — шокированно произнесла я, когда обрела дар речи.

Нияра грустно улыбнулась:

— Я не хочу оставлять тебя одну, Тони, а в Герменерре тебе наверняка потребуется помощь.

Вариант со ссылкой в какую-то глушь нравился мне хотя бы тем, что там Антонию никто не знал, и никто не мог догадаться, что теперь на ее месте совсем другая женщина. Потому что изображать божью коровку, когда ты в душе скорпион, в принципе достаточно сложно, но если с этим я еще могла справиться, то что делать с мелкими деталями, мимикой, жестами, которые знакомы окружающим, особенно лучшим друзьям? К тому же, Нияра была единственной подругой Антонии, и дружили они долго и основательно. У меня вот на Земле подруг не было (после той, что увела жениха), но все это было не важно по сравнению с тем, что я не могла позволить Нияре отправиться со мной в гарнизон. По той самой причине, что именно она на раз меня раскусит. Да княжна еще по дороге туда все поймет и прикажет повернуть обратно. А после возможны пытки, топор палача и все такое прочее...

Пока я не знала, что буду делать в новом мире дальше, но первым по плану шел пункт «остаться в живых». Все неудобства меркли по сравнению с моим желанием жить. Для этого мне нужно было не позволить Нияре отправиться вместе со мной. К сожалению, потому что эта девушка была единственной нормальной в княжьем семействе.

Я решила сыграть на эгоцентризме княгини и попроси-

ла о встрече. Была велика вероятность того, что меня пошлют. Если честно, я бы тоже не общалась с человеком, который посадил меня в кучу, и даже не фигурально. Но Валения внезапно согласилась. Возможно, в ней выиграло любопытство, хотя, скорее всего, мстительность. После того, как князь увел меня с помоста, мама-паучиха наверняка точила на меня зуб.

Комнаты драконессы (теперь я знала, что мама и Нияра тоже драконы) находилась не в пещерах, а на поверхности. Меня встречали в огромной гостиной с мягкой мебелью и множеством подушечек. С большими арочными окнами без остекления: столица земных драконов буквально находилась на вулкане, и погода здесь мягко переходила из теплой осени в цветущую весну, оставаясь всегда одинаково комфортной. Из окон открывался чарующий вид на город: резные каменные мостики, перекинутые через реку, желто-зеленые деревья и водопад, который был достаточно далеко, чтобы создавать уютный медитативный шум, но при этом не отвлекать от дел.

Антонии с видом из окна не повезло: я жила на подземном этаже. Несостоявшуюся Искру поселили поближе к источнику драконьей магии, чтобы быстрее приживалась искра. Поэтому я немного залипла на местную красоту. Интересно, у них такая погода везде, или на границе с Рованом будет не так тепло и радужно?

Мама-паучиха в ослепительно белых одеждах расположи-

лась в кресле, которое тоже больше напоминало трон, в окружении фрейлин. Зацикленность у нее, что ли? Кто-то носит футболки с названием бренда на всю грудь, а кто-то компенсирует отсутствие абсолютной власти креслом-троном!

Я присела в реверансе, тело Антонии подсказало мне, как это сделать правильно, и произнесла:

— Ваша светлость, я приношу свои глубочайшие извинения по поводу произошедшего на прогулке. Вы же знаете, какая я неуклюжая. Мне очень-очень стыдно.

Несостоявшаяся невеста князя действительно была неуклюжей. Возможно, потому что жила в диком стрессе и боялась что-то сделать не так, кого-то обидеть или оскорбить, или не оправдать возложенных на нее ожиданий и надежд. Поэтому княгиня царственным кивком головы приняла мои извинения.

— Что тебе нужно, Антония? Если пришла просить за себя, то зря. Я считаю твое изгнание более чем справедливым. На тебя было потрачено столько времени и сил, что благодаря за такой щедрый дар Великого князя.

Да уже лоб разбила благодарить!

Я мысленно поморщилась и продолжила:

— Я смиренно принимаю свое изгнание. Оно действительно заслуженное...

— Наконец-то я слышу от тебя разумные слова, а не овечье блеяние! — хмыкнула она, и фрейлины демонстративно рассмеялись, словно закадровые дублеры в старых сериалах.

— Если это все, то кыш!

— Нет, не все.

Смех прекратился, и драконья мать посмотрела на меня с раздражением:

— Что еще?

— Я пришла попросить не за себя, а за Нияру.

— Что не так с Ниярой? — Она выгнула тонкую белесую бровь, а я подавилась заготовленной речью.

Я собиралась попросить отправить княжну со мной в крепость. Расчет был простым: княгиня ненавидит меня всем своим черным паучьим сердцем и запретит Нияре куда-либо со мной ехать. Но после этого вопроса я осеклась. Мне мигом представилась одинокая сестра князя, за спиной которой шепчется весь двор. *Обезображенная драконесса. Уродина. Бедняжка...* Антония единственная, кому действительно была небезразлична Нияра. Девушки спасались в этой дружбе, неудивительно, что княжна собралась уехать в гарнизон, где ее не станет донимать собственная мать.

Даже вопрос княгини и ее безразличный тон говорили о том, что на дочь ей плевать с местного вулкана, а он у них самая высокая точка в столице. Нияра была девочкой для битья до появления здесь Антонии, снова станет ею, когда я уеду. Позором княжеской семьи.

Я должна была отказаться от сопровождения Нияры ради своей же безопасности.

Но я не смогла. Я словно предавала саму себя.

Поэтому вместе заготовленных слов я сказала:

— Пожалуйста, не отправляйте вместе со мной Нияру. Она должна оставаться при дворе. Для нее подобное путешествие и жизнь в гарнизоне станет испытанием. Не говоря уже о том, что там могут высмеивать ее внешность. Она будет страдать.

— Нияру? — на этот княгиня вскинула обе брови. — Я не собиралась никуда отправлять свою дочь!

— Она сама хотела вас попросить.

— Безмозглая девчонка, — прошипела паучиха. — А знаешь, что? Это будет для нее хорошим уроком...

Я едва сдержала довольную улыбку, но вздрогнула от голоса Риарана за спиной, по коже которой заметались мурашки.

— Моя сестра никуда не поедет. Ее дом здесь.

— Это бы научило ее избирательнее подходить к выбору подруг, — мигом сменила тон с жесткого на просящий княгиня.

Князь прошел мимо меня, не удостоив даже взглядом.

— Возвращайся к себе, Антония, — бросил он. — Ты покинешь столицу завтра утром.

Я скрипнула зубами от досады, но разговор сына с матерью мне послушать не позволили. Выдворили за дверь вместе с фрейлинами.

На следующее утро я узнала, что князя продавить не может даже паучиха: в Герменерр я отправляюсь сама. Только

радости по этому поводу я почему-то не испытывала.

Выезжала я рано утром. Еще затемно ко мне постучали служанки, чтобы помочь собраться. Дни были уже осенние, поэтому собирали меня при свечах. К счастью, для меня это была не проблема, я могла и посреди ночи встать. А вот Эльга и Залла, которым предстояло ехать со мной, ахали, охали и всячески сокрушались, что же мы будем делать там, на северной границе с Рованом, «одни-одинешеньки».

Девушки приехали с Антонией из ее родового замка, и не было ничего удивительного в том, что для них такое путешествие — ссылка. Антония наверняка чувствовала бы себя так же, но, к счастью для меня, я успела пожить в самых разных условиях, пройти школу жизни в МВД, поэтому меня не пугала ни долгая дорога, ни суровые условия, ни погода, по поводу которой особенно сокрушались служанки.

— Там же сейчас уже дожди да слякоть...

— А в середине осени как зима завернет, у-у-ух...

— А что мы посреди зимы будем с вами делать, йяра Антония? Когда все вокруг стынет?!

Они так причитали, что я не выдержала.

— Отставить ныть! — рявкнула я, и девицы застыли. — Нас отправляют туда, где жизнь не сахар, и если мы сейчас с вами расклеимся, можем сразу сложить лапки и помирать.

Обе моргали на меня, а я добавила:

— Или кто-то из вас хочет остаться с княгиней? Я никого не держу, можете прямо сейчас попросить о таком одолжении.

Желающих почему-то не нашлось.

Возможно, это было чересчур жестко, но я не хотела погружаться в апатию задолго до того, как у меня появится для этого реальный повод. Потому что их (этих поводов) еще будут десятки, если не сотни, я уверена. Начнется все с тоски по дому, по рабочим будням, по моим возможностям на Земле, продолжится мужицкими попытками в военном гарнизоне продавить бывшую княжну на всякое... точнее, бывшую потенциальную княжну, и бог знает, что и кто там меня еще ждет, в этой крепости.

Так что ныть заранее — гиблое дело, если не сказать больше. Антония вообще выглядела как девушка, на которой все ездят, свесив лапки. Репутацию свою она «нарабатывала» годами, поэтому мне теперь с этим жить. Восстанавливать ее личные границы на границе, вот такой вот каламбур. И доказывать всему миру, что попытка поехать на йяре Эдельвейс чревата переломом хребта и вывихом челюсти.

В тот момент, когда я об этом думала, слуги выносили последний сундук из моей комнаты, и в эту же минуту ко мне проскользнула Нияра.

— Вышли все! — шикнула она на и без того притихших служанок и, когда те беспрекословно подчинились, яростно посмотрела на меня: — Я думала, мы подруги! Но ты сказала

матери, чтобы не отпускала меня!

Вообще-то надо было оставить все как есть, уверить ее в том, что да, я так и сказала, но... по той же причине, по которой я вчера все переиграла на ходу, я не стала этого делать.

— Твоя мать ненавидит меня, Нияра, и сделает все аккурат наоборот тому, что я прошу. Сделала бы, если бы не пришел твой брат.

— Риаран? — искренне изумилась она. — Но я лично просила его меня отпустить, и он сказал, что подумает.

— Видимо, подумал — и решил не отпускать. — Я разве-ла руками. — У меня все почти получилось, но...

— Но тут вмешался Риаран, — вздохнула она. — Он единственный, кого она боится и слушает... мне надо было сразу догадаться.

— Тебе же она сказала, что это я отвратительная подруга и не хочу, чтобы ты со мной ехала?

— Как ты догадалась?

Да тут и гадать не надо было. Я вздохнула:

— Мне очень жаль, Нияра.

Она подалась вперед и порывисто меня обняла:

— Мы еще обязательно увидимся, Тони! Я верю.

Я обняла ее в ответ.

— Не раскисай. И не позволяй этой паучихе тобой командовать.

— Паучихе?

Я прикусила язык, Нияра же откровенно развеселилась.

— Ты так про себя звала мою мать? Ей подходит!

— Йяра Антония, подали экипаж! — К нам в комнату постучал слуга, и Нияра подхватила мою накидку с кресла.

— Пойдем, я тебя провожу.

Пока что накидка мне не требовалась: плотная, с капюшоном, она защищала от ветров и согревала за счет теплого подклада, но, исходя из тех сведений, что высыпали на меня Эльга с Заллой, в дороге она мне обязательно понадобится.

Но проводить меня княжне не дали, поскольку, едва мы шагнули к дверям вслед, слуга прытко отпрыгнул в сторону, а в бывшие покои Антонии шагнул не кто иной, как Великий князь. Я снова поразилась ширине его плеч и мощной фигуре, а еще тому, какой пронзительный у него взгляд в темноте: стоило ему шагнуть к нам, порыв воздуха задул свечи, но его глазами в теории можно было освещать все помещение.

— Риаран, — пробормотала Нияра, мгновенно опуская взгляд.

А вот я забылась и столкнулась с яростной сталью его глаз.

— Вчера я ясно дал тебе понять, Антония, что моей сестре рядом с тобой не место, — жестко произнес он.

Ах, вот оно что. Очевидно, его светлость решил, что я собираюсь тайком умыкнуть его сестру с собой.

— Вполне, — сухо ответила я.

— Тогда что она делает здесь?!

— Возможно, вам стоит спросить у нее, — не выдержала я. — А заодно уточнить, почему она так стремится уехать из

дворцовых условий и теплого климата в глухомань, где ветра забираются во все места раньше, чем ты успеешь сказать «ик».

Нияра ахнула, а в меня ударила такая волна ярости и силы, что я почувствовала, как тело Антонии сплющивает физически.

— Что ты сказала?! — прорычал Риаран. — Повтори.

— Нет уж, вы сами как-нибудь, — прокряхтела я, чувствуя, что мои органы сжимаются до размера и состояния атомов. — Уверена, со слухом у вас все в порядке.

В отличие от эмпатии.

— Вон, — процедил князь сквозь зубы. — Пошла вон, пока я не размазал тебя по этим камням!

Нияра только успела сунуть мне накидку, как слуга буквально вытолкнул меня за дверь, а белые, как мел, Эльга и Залла быстро-быстро побежали по коридору. Я едва за ними успевала, а слуга, как только нас посадили в экипаж, привалился к замковой стене. То есть к скале.

Судя по звукам, которые прорвались через стук копыт, кажется, его стошнило. Но это не точно.

У меня самой кружилась голова, а перед глазами все плыло, поэтому пришлось откинуться на спинку сиденья, закрыть глаза и считать про себя от сотни до единицы в обратном порядке. Раньше мне всегда это помогало.

На экзаменах.

Когда узнала про смерть отца.

Когда я увидела свое первое «тело».

Когда я разговаривала с жертвой коллективного изнасилования.

Помогло и сейчас. Меня не стошнило, голова не лопнула, как перезрелый арбуз, а князь-садист, ни во что не ставящий свою невесту, с каждой минутой становился все дальше и дальше от меня. И, хотя мне было грустно от того, что я не смогла помочь Нияре выбраться из паучьего логова, внутри меня рождалось знакомое чувство уверенности. Чувство, что мне придется начать с начала, но я смогу. Я справлюсь. У меня все получится.

Так было всегда. Так будет и впредь.

Очень скоро я получила ответ на свой вопрос о погоде в Эйрузии: приятной она была исключительно в столице. Чем дальше мы отъезжали от Гронтара, тем сильнее менялись пейзаж и климат. Для начала наш кортеж из нескольких экипажей, запряженных лошадьми, пересек лысое поле гейзеров, затем завернул в пустыню. Из тех, в которых больше камней, чем песка. Первый день мы ехали по открытой местности, второй — по гигантскому высохшему каньону. Казалось, в княжестве Риорана все состоит из камня, что было неудивительно для земных драконов, магия которых подпитывалась от горных пород.

Несмотря на осень, когда мы передвигались по пустоши, где единственными источниками тени были покореженные голые деревья, солнце нагревало наш экипаж так сильно, что я чувствовала себя словно в раскаленной печи или в автомобиле, в котором в летнюю жару сломался кондиционер. Ногами же ситуация сменялась противоположной: температура снижалась настолько сильно, что приходилось обкладываться пледами, чтобы не стучать зубами.

Ни о каких гостиницах и речи не шло: бывший жених отправил меня самым экономным классом из всех возможных. Как багаж. Хотя какие гостиницы в этом мире? Мне казалось, что цивилизация закончилась еще в столице, а по пу-

ти нам попался лишь небольшой монастырь, в котором все же пришлось остановиться на ночлег. До этого мы спали в экипаже. В монастыре же мы ночевали исключительно из-за того, что я свалилась с простудой.

Это в прошлой жизни я занималась спортом и закалялась с самого детства. Зимой с отцом ныряла в прорубь. Брала ночные дежурства, перерабатывала и отдыхала в спортзале — спарринг лучше всего очищал мозг от тревожных мыслей. Короче, я была тем человеком из анекдота, который на отвалившуюся левую руку заявляет: «Не страшно, я все равно правша». Антония, очевидно, была моей полной противоположностью: хрупкая, ранимая и со слабеньким иммунитетом. После двух ночей в позе кренделя в неотапливаемой карете я словила насморк, кашель и жар.

Сопровождал нас начальник безопасности самой княгини, и я даже не подозревала, а была уверена, что это прощальный подарок паучихи. Потому что высокого бритоголового гвардейца не особо заботил комфорт нашего путешествия. Со мной и с сопровождающими меня девчонками он обращался как с тем ненужным чемоданом. Даже остановки и пледы приходилось требовать. Честно, я к нему бы не обращалась до конца пути, но выданное мне тело сказалось: «Ба-ста!» — и заболело.

Сначала у меня потекло из носа так, что хоть плед используй не по назначению! Затем я раскашлялась, пытаюсь объяснить Залле и Эльге, что ничего страшного — прорвемся!

А после того, как во время привала попыталась остановить отважных девочек, требующих у главного сопровождающего «подобающего мне по положению ухода», сделала шаг и потеряла сознание.

— Если Искра князя умрет, вы будете за это в ответе! — последнее, что я запомнила.

«Я не Искра, — подумалось мне, — и слава Богу».

Очнулась я уже в келье в монастыре, закутанная в одеяла и потому мокрая как мышь. Через узкое арочное окно лился холодный лунный свет. Помимо койки, на которой я лежала, в келье был простой деревянный стол с зажженной, почти оплавленной, свечой и кувшином, и стул, на котором дремал пожилой бородатый монах в рясе. Стоило мне пошевелиться и попытаться хотя бы сесть, он тоже очнулся.

— Лежи, притянутая душа, — посоветовал он мне. — Слаба ты еще, чтобы продолжать свой путь.

«Притянутая за уши!» — мысленно хмыкнула я, а после до меня наконец-то дошло.

— В смысле? — прохрипела я и снова закашлялась. Только даже кашель не мог меня остановить от того, что бы выяснить, что он имел в виду. — О чем вы?

Я встретила с ним взглядом и осознала, что пожилой мужчина — дракон. Память Антонии подсказала, что это нетипично для этого мира: драконы либо правят, либо поступают на службу к правящим. Их навыки всегда в цене. Например, у Риорана есть целое «подразделение» драконов-ар-

хитекторов, которые строят дворцы и дороги не только для Эйрузии, но и работают в ближнем зарубежье, тем самым создавая крепкие дипломатические связи.

— Не переживай, девочка, — он мягко надавил на мое плечо, заставляя вернуться на койку, я же была настолько слаба, что не смогла сопротивляться, — я никому не раскрою твою тайну. Не время. Ты сама расскажешь об этом, когда оно наступит, и доверишь ее тому, кому нужно.

Монах взял со стола кувшин и поднес к моим губам:

— Пей! Тебе необходимы силы для восстановления.

Правило номер один — никогда не принимать еду или питье из чужих рук, поэтому, несмотря на сильнейшую жажду, я поколебалась.

— Не бойся, — хмыкнул монах, словно читая мои мысли. — Если бы я хотел тебя отравить, сделал бы это раньше.

Какой милый дракон. Просто душка. Но откуда он знает, что я тут недавно?

— Я бредила во сне? — предположила я.

— Нет, — покачал головой монах. — Молчала как партизан.

Он тихо рассмеялся, когда я поперхнулась травяным отваром.

— Дар у меня такой, Антония — видеть больше, чем видят другие.

— Вы ясновидящий? — поморщилась я. Сама раньше во всем эти вещи не верила, считая таких личностей обыкно-

венными шарлатанами, но после попадания к драконам и не в такое поверишь.

— Меня зовут Ягур, — представился он, забирая у меня кувшин и возвращаясь на стул. — Неважно кто я, важнее — кто ты. Хочу предупредить, что тебя ждет непростой путь, Антония. И это не про дорогу в крепость, она простирается гораздо-гораздо дальше. Тебе предстоит встретить своих, искоренить зло, лгать ради блага и говорить правду, когда ее не хотят слышать.

С последним я всегда неплохо справлялась.

— Как обычно, в предсказаниях никакой конкретики?

— А твой разум готов к этой конкретике? — рассмеялся Ягур. — Тебе придется завершить то дело, которое ты не закончила в своем мире.

— Это какое же?!

— Сама поймешь, когда наступит время. У каждой при-тянутой души есть своя важная миссия в этом мире. Доверяй себе и своему чутью, девочка. А сейчас спи.

То ли на меня подействовал отвар, то ли его приказ, но мои глаза тут же закрылись, словно разом стало сложно держать их открытыми, и я снова провалилась в темноту. Мне с какого-то перепугу снился Великий князь в нашу первую встречу. Он превращался из дракона в мужчину и шел ко мне. А я даже во сне думала, что никаких миссий, драконов касающихся.

Особенно одного конкретного дракона.

Странная встреча со странным человеком, а, точнее, с драконом, почему-то придала телу Антонии сил. То ли Ягур обладал еще какими-то магическими навыками, помимо предвидения (по поводу которого я, честно говоря, сомневалась бы, если бы он не узнал во мне иномирянку), то ли просто возможность отоспаться в нормальных условиях сделали свое дело. Я проснулась гораздо более свежей, и даже насморк и кашель больше не донимали.

Поэтому я решила, что не буду откладывать и продолжу путь. А еще — прямо сейчас, в дороге, займусь состоянием тела Антонии. Так меня каждый сквозняк будет заставлять чихать и валяться с температурой. Не говоря уже о том, что я не смогу за себя постоять, если это потребуется. А это потребуется: я была уверена. Не сейчас так позже, одинокая женщина, даже с двумя служанками — первая в очереди на всякого рода приключения, особенно в приграничном городке.

— Йяра Антония, что вы делаете?! — ахнула вошедшая ко мне в келью Эльга.

— Приседаю, — ответила я.

Поскольку заниматься разминкой, лежа на полу в келье в осеннее время были смерти подобно — как минимум смерти подобно для почек и отличный повод схватить цистит, я решила начать с приседаний. Это здорово бодрило и давало те-

лу тонус и силу. Правда, телу Антонии это давало еще одышку и пыхтение: дома я могла сделать три подхода по тридцать и потом пойти на пробежку, а здесь я после десяти начала задыхаться. Вместо привычного ритмичного дыхания с губ срывалось сдавленное кряхтение, похожее на кряканье утки.

«Ладно, — мысленно сказала я себе, — сделаем скидку на простуду. Давай хотя бы пятьдесят, и я тебя отпускаю».

Как раз в тот момент, когда я присела в сороковой раз уже с дикой колющей болью в боку и в полуобморочном состоянии, ко мне и вошла Эльга.

— Да что ж это такое творится-то, а? Вы правда угробить себя хотите?

— Как раз-таки не хочу, — отозвалась я, позволяя служанке меня подхватить и отвести к кровати.

В довершение всего у Антонии заклинило поясницу, поэтому помощь сейчас была очень кстати.

Кошмар! Девчонке девятнадцать лет, а разваливается на глазах.

Разваливаласьсь.

Вздохнув, я дала себе обещание подумать об участии девушки, в тело которой попала, потом. Сейчас мне предстояло куда более важное дело: начать новую жизнь, а не закончить ее по дороге туда, куда меня послали. Точнее, сослали. Поэтому я сказала Эльге, что готова выдвигаться в путь сегодня сразу после завтрака, но командир нашей процессии должен выстроить маршрут так, чтобы на ночь мы остано-

ливались на постоянных дворах и спали в человеческих условиях.

Эльга закивала и убежала, а когда вернулась, я уже доедала завтрак, принесенный монахом.

— Туар Оромонд сказал, что мы будем двигаться самым коротким маршрутом, и никак иначе.

Я вздохнула. Подозревала, что с этим туаром-тротуаром просто не будет, но не он первый, не он последний.

— Вы завтракали? — уточнила у Эльги.

— Да, да, мы еще до вас успели...

— Тогда собираемся и выдвигаемся. Принесите мне, пожалуйста, брюки для верховой езды, и...

— Так нет у вас брюк, йяра Антония, — пробормотала служанка. — Только амазонка, но в ней в экипаже еще неудобнее, чем в платье. Там верх такой жесткий!

Чтоб этой княгине, которая занималась моим гардеробом, в общественный туалет в кринолине ходить каждый день!

— Ладно, — сказала я. — Тогда давайте платье потеплее и накидку.

Закаляться я буду на месте, и только когда пойму, что тело Антонии готово, в дороге же лучше не рисковать. В итоге когда я выходила из монастыря, подмышкой у меня был корсет, но я свернула его в трубочку, чтобы не шокировать гостепримных монахов. Грудь Антонии, конечно, требовала поддержки, ну а мне требовалось нормально дышать после кашля! Так что пошли вы все со своей местной модой в...

светлое будущее, как говорится!

Уже на самом выходе, у каменной стены, возвышающейся почти до серого тяжелого неба, я поблагодарила провожающего меня монаха за кров и еду.

— Передайте мое почтение Ягуру, — попросила я. — И мою благодарность за беседу, которая у нас состоялась.

Монах, молоденький парень, захлопал на меня глазами.

— Кому, Небесному Ягуру? — переспросил он.

— Небесному? — теперь уже я почувствовала себя странно.

— Да как же! Небесный Ягур, странствующий монах, который обрел покой в нашем монастыре несколько столетий назад. Говорят, он является нашим настоятелям, чтобы дать советы, когда те заплутали в своих мыслях по поводу будущего.

Светлого, ага.

Я только усилием воли удержала готовый сорваться с губ нервный смешок. Мало того, что мне будущее напороочили, так еще и сделал это местный призрак! Нормально вообще, а? Как будто мне не хватало этих драконов, княгинь и прочего.

— Небесному, — повторила я.

— Так вы его видели? — Парень уставился на меня так, как будто я сама была не то драконом, не то Змеем Горынычем.

— Да. И говорила с ним.

— Значит, его благословение с вами! Вы первая пришла, кому он явился.

Я почувствовала холодок вдоль спины, но парень тут же добавил:

— Пришла — значит, не наша. Не монастырская.

Ах, да.

— Мир вам, странница Антония.

Я склонила голову в знак благодарности и поспешила пройти через массивные ворота, которые за мной тут же закрылись. Слишком странно все это было, еще более странно, чем ночью. И если можно было бы списать наш разговор с Ягуром на бред или сон до того, как молодой монах рассказал о его существовании, то теперь эта версия отпала.

Начальник гвардии гарцевал на породистом скакуне, и, увидев меня, кивнул в сторону экипажа.

— Полезайте.

— Полезу, полезу, — отозвалась я. — Но не раньше, чем мы с вами согласуем новый маршрут.

— Я уже сказал вашей служанке, что я не ваш подчиненный. Мне поручено как можно скорее доставить вас в город...

— Живой? — уточнила я.

— Что?!

— Доставить поручено живой?

Гвардеец сверкнул на меня глазами:

— Разумеется!

— В таком случае нам нужно перестроить маршрут. Я уже один раз заболела и чуть не умерла от жара и кашля. Так что в ваших же интересах выбрать дорогу, на которой я и мои помощницы сможем нормально отдыхать и высыпаться. Иначе я сейчас же вернусь в монастырь и напишу князю о том, что вы везете его бывшую невесту как дрова.

Я сомневалась, что князю есть до меня дело, но еще я поняла, что подобное путешествие — прощальный «комплимент» от княгини. Так что не в интересах ее светлости и этого типа, чтобы Риарану стало обо всем известно.

Похоже, Оромонда проняло, поэтому он скрипнул зубами:

— Хорошо. Будут вам постоянные дворы.

— Вот и чудесно, — ответила я и залезла в карету, где на меня во все глаза смотрели Эльга и Залла.

— Вы... вы такая смелая, — выдохнула Залла, когда мы тронулись.

— Да. Раньше вы ни с кем так не разговаривали! — вторила ей Эльга.

— Жить захочешь — и не так раскорячишься, — философски ответила я и прильнула к окну.

Существовала небольшая вероятность, что Оромонд попытается меня «нагреть», но, видимо, гнев князя действительно был ужасен, и по дороге от монастыря мы выехали не обратно в пустошь, а уже в гораздо более приятную, лесистую, а в перспективе еще и обитаемую местность.

Из-за того, что мы теперь передвигались нормально и останавливались на ночлег на попадающихся на нашем пути постоянных дворах, путешествие в Герменерр немного растянулось во времени. Зато теперь мы с девочками спали в кроватях, ели горячий ужин и не рисковали собственным здоровьем. В частности, я за несколько дней окончательно избавилась от простуды и кашля. Оромонд настолько проникся моей речью о том, что князь как минимум не обрадуется тому, что я откинусь еще по пути в крепость, что принес в наш экипаж какой-то диковинный артефакт — прозрачную сферу, внутри которой горело магическое пламя. Я порылась в памяти Антонии и «вспомнила», что подобные штуки были во дворце и действовали как земные обогреватели. С собственной печкой путешествовать стало в разы комфортнее. Еще я просила иногда останавливаться и разминалась на обочине тракта: приседать больше не рисковала, но заставляла это тело двигаться. Тело сопротивлялось, но я теперь была в курсе, что начинать нужно с малого. Совсем с малого.

Герменерр показался вдали спустя пару недель. Стоящая на горе крепость была словно выточена из черного камня и выглядела зловещим местом обитания какого-нибудь сказочного злодея. Хотя возможно дело было в том, что я впервые увидела стены города на закате: красное, обещающее

ветреную погоду солнце подсвечивало высокие башни и бойницы, пыталось согреть последними скуными лучами густой сосновый лес рядом. Красиво, если вы любитель готики!

Я была не из пугливых, а вот Эльгу и Заллу проняло.

— Что за проклятое место? — зашептала одна.

— Мы тут сгинем! — схватилась за сердце вторая.

— Не сгинем, — шикнула я. — Отставить мрачные предсказания! Крепость так и должна выглядеть. Устрашать врага! Мы еще не посмотрели город внутри.

Девушки мгновенно притихли, в глубине их глаз затаилась надежда, которой не суждено было сбыться: спрятавшийся за массивными воротами и решетками Герменерр выглядел еще хуже. Если столица Эйрузии была чистой, красивой и по местным меркам передовой, то мое новое место жительства выглядело старым, грязным и темно-средневековым.

Когда постовые пропустили нас, кивнув Оромонду, нам пришлось еще немного покружить, чтобы добраться до основного замка: Герменнер был построен уровнями, по кругу. Первый круг выглядел нежилым, ни света в окнах, ни таверн и прочих подобных заведений, будто обитатели стареньких обветшавших домов боялись выходить на улицу после заката.

На втором круге было повеселее — здесь горели факелы, освещая грязную брусчатку, кипела ночная жизнь. Я успела заметить несколько питейных и даже бордель: последний

можно было легко определить по дежурившим на его балконе румяным красавицам. Они были одеты во фривольные легкие платья, при этом кутались в теплые шали.

Третий круг уже больше напоминал улицы в столице: дома побольше, мостовые почище, а вместо факелов — магические фонари. Здесь почти во всех зданиях горел свет, в противовес хлипким домишкам и грязным стеклам иногда встречались красивые ухоженные фасады. На этом уровне даже по-другому пахло: не навозом и чьим-то неприжившимся ужином, гарью и нищетой, а деревом и свежестью.

На четвертом уровне наши экипажи снова остановили перед высокими воротами, прежде чем впустить нас во внутренний двор замка, в котором жил комендант крепости, он же начальник гарнизона. Мне порядком надоело трястись в карете по выбоинам, поэтому, как только мы остановились, я выбралась наружу. На контрасте с согревающим теплом артефакта на улице мне показалось чересчур морозно. Впрочем, стоило выдохнуть, как изо рта пошел пар, как бы намекая, что дело вовсе не в контрасте.

Внутренний двор был зажат замковыми постройками, словно тисками. Слева я заметила большие конюшни, справа, судя по доносящимся ароматам, были кухни. Прямо по курсу был главный вход в замок, из массивных арочных дверей которого вышел высокий и широкоплечий мужчина. Шаг выдавал в нем военного, высокомерная морда — начальника всего этого безобразия.

— Мы ждали вас не раньше следующей недели, — вместо приветствия сообщил мне комендант. Но я уже поняла, что они тут все само гостеприимство. Учитывая, что он обращался к Оромонду, а не ко мне, к женщинам тут отношение так себе.

Прежде чем мой сопровождающий успел ответить, я шагнула вперед и сказала:

— Мы немного срезали по пустыне, туар Оромонд слишком торопился.

Теперь комендант меня заметил. Или сделал вид, что заметил только сейчас. Он скользнул по моей фигуре оценивающим сальным взглядом, наверняка не подозревая, что я в это время оцениваю его по совершенно другим критериям. Не дракон. Мужлан и шовинист. Из тех, для кого женщины обслуга. Зная, что я бывшая невеста князя, раздевает меня взглядом и даже не стесняется.

— Хорошо, что торопился, — хмыкнул комендант, судя по всему, сделав свои выводы, — йяра...

— Антония, — представилась я, игнорируя положенные реверансы. — А вы?

— Туар Гемрор Иллион. Приглашаю вас присоединиться к моему скромному ужину.

— Я бы предпочла отдохнуть с дороги, она оказалась слишком изнурительной...

— Отказ не принимается, — отрезал Гемрор и направился к дверям.

Мне пришлось только тяжело вздохнуть и последовать за ним. Все равно я не знала, где меня поселят. Чутье подсказывало мне, что с комендантом лучше пока не ссориться, потому что Гемрор уполномочен превратить мою жизнь здесь в настоящий гемор.

Риаран

— Ваша светлость, — очередная претендентка на Искру присела в реверансе.

Она была изумительно хрупкой и определенно возбуждала мужское желание, но, к сожалению, этого было ничтожно мало. За последние дни он встретился с девятью претендентками, эта была десятой. И последней.

В детстве для него отобрали их около тридцати, по определенным магическим изысканиям. Кто-то подходил лучше, кто-то хуже, родители тех, кто хуже получили возможность выбирать для них мужей и заключать брачные договора сразу, как только они остановили выбор на Антонии. Остальные десятеро девушек не имели права становиться чьими бы то ни было невестами до тех пор, пока не будет объявлено о его свадьбе после того, как искра полностью приживется, но...

Но. Скучно. Рядом с ним уже была ни рыба ни мясо, как выражался Д'Амир по поводу чего-то невнятного, Антония, которая боялась и слово сказать в его присутствии, да в чем-либо присутствии в принципе, поэтому на каждой встрече с потенциальной невестой Риаран не испытывал ничего, кроме раздражения. Они все были донельзя предсказуемы, все нежны и трепетны, все краснели, опускали взгляды и бормотали заученные по родительским наставлениям фразы.

Даже его любимчики, огромный, рыже-пятнистый горный кошак Эрл, который сейчас дремал на диване в его кабинете, занимая его полностью, и белоснежный Ирл, вылизывающий лапу рядом с его креслом, вызывали в нем куда больший интерес, чем все эти блеющие и квакающие девицы, не смеющие поднять взгляд. Конечно, так полагается. Конечно, женщина должна преклоняться, но... как же скучно.

Антония в свое последнее утро здесь и то была пободрее. Даже с перебором, можно сказать.

— Поднимись, — приказал он девушке, и та выпрямилась.

Взгляда, как все предыдущие претендентки, не отвела, и это ему понравилось.

— Как тебя зовут?

— Эстель, ваша светлость. Эстель ар Вирандар.

Дочь одного из его наместников в дальних южных землях, Вирандара. Он читал ее бумаги перед тем, как начать встречаться с девицами, одна из которых станет его Искрой. Девятнадцать лет, увлекается верховой ездой и чтением (необычные увлечения для женщины), а еще становилось понятно, откуда у нее такая необычная внешность. Светлые волосы сочетались со смуглой кожей, небесно-голубые глаза напоминали о море в штить. Платье в цвет ее глаз только подчеркивало ее экзотичность и очень ей шло. А впрочем, никакой разницы: искра все равно напрочь сотрет ее экзотичность, высветлит кожу, подкорректирует цвет глаз и теп-

лый оттенок прядей перекрасит в холодную платину.

— Расскажи о своих устремлениях, Эстель.

— Вас правда интересует мое мнение, или вам сказать то, что вы хотите услышать?

А вот это было уже интересно. В ответ на подобный вопрос остальные начинали лопотать что-то про «быть достойной Искрой для вас, ваша светлость, родить вам здорового наследника, быть усладой для ваших глаз...».

— Удиви меня, — хмыкнул он, протягивая ладонь, чтобы почесать кота между ушей. Ирал довольно заурчал, подставляя крупную голову для ласки, а Эстель приблизилась к столу и произнесла:

— Мне бы хотелось изучить мир, ваша светлость. Посмотреть его. Узнать больше, чем я узнала из книг, составить собственное мнение. Мне бы хотелось понять, что я могу сделать для этого мира, и это не только рождение наследника для вас и Эйрузии, хотя это и немаловажно. Мне хотелось бы, чтобы я могла выбирать свой быт, свое окружение и строить свою жизнь рядом с мужчиной, который видит во мне не только мать своего сына, но и партнершу.

Проклятые иномирянки. Риаран не представлял, как Д'Амир с ними общается и умудряется ими восхищаться, не говоря уже о том, как Эрхольд и Равьер выбрали их в качестве жен и поставили чуть ли не равными себе. Одной встречи с этой Олей ему хватило, чтобы понять: если бы такая особа оказалась рядом с ним и вздумала дерзить так, как дерзила

она, отправилась бы на плаху. Сразу же.

Он с трудом удержался, чтобы не отправить туда Антонию, которая выдала ему при последней встрече то, что выдала. Не отправил только из-за Нияры, сестра и так пережила многое, поэтому Риаран отпустил вздумавшую высказаться напоследок несостоявшуюся Искру. Но теперь, благодаря этой Оле и этой Аглае, многие женщины возомнили о себе невесть что. Например, что они могут быть «партнершами»! Равными мужчине! Это иномирное словечко притащили с Земли, а между тем как их мир долгое время хранил собственные традиции, не позволяя всякой подобной ереси просачиваться из Открытых миров.

Но Эрхольд открыл межмировую границу, следом за ним — Равьер, и пошло-поехало. Ну что же...

— Женщина никогда не будет равна мужчине, Эстель, — холодно произнес он, — с самого своего детства она подчиняется отцу или старшему брату, если он по воле обстоятельств стал главой семьи. После свадьбы же — мужу. Партнерство придумали те, кто не нашел другого слова для своего желания пресмыкаться перед женщиной.

— Я говорила не о силе, ваша светлость, — Эстель продолжала смотреть ему в глаза, — я говорила о том, что оба — и мужчина и женщина, составляют нерушимый союз, в котором один отвечает за одно, а другой за другое. И никак иначе. Мне даже в голову бы не пришло поставить себя на одну ступень с вами по силе. Что же касается прочих устрем-

лений, я всю жизнь провела в книгах и в доме отца, разумеется, я хочу увидеть мир. Который так прекрасен в книгах.

Риаран посмотрел на нее в упор.

— Ступай. Тебе сообщат о моем решении.

Эстель снова сделала реверанс и вышла, а он почесал Ира-ла за ухом и поднялся. Пожалуй, именно ее он и выберет: у Эстель, в отличие от остальных, есть характер, она возбуждает его естество, а что касается прочего... Если таким не озаботился в свое время ее отец, то воспитанием будущей искры Риаран займется лично.

Аня

Замок встретил меня теплом, и уставшее тело запросилось спать, но кто бы еще меня спрашивал, чего я хочу? Главным здесь был комендант, и все его слушались. А еще все слуги от него шарахались или старались обходить стороной: признак того, что начальство здесь разговаривает на языке силы и, вероятно, жестоко наказывает за ошибки.

Я успела немного пожить во дворце князя и понаблюдать за тем, как его подданные относятся к Риарану. Страх, который испытывали многочисленные драконы и люди во дворце, был скорее благоговейным трепетом перед могущественным правителем. Почтением, уважением, восхищением. Подданные Риарана боялись его разочарования, слуги Гемрора боялись его самого.

Лакей, который сопровождал нас в столовую, пытался не отвечивать. Мне казалось, что он изо всех сил старается слиться с окружающей обстановкой, и у него почти получалось: комендант не обращал на него внимания и все это время беззастенчиво пялился мне на грудь, пока мы шли через холл. Не заметить этого могла лишь слепая или наивная йяра. Туару Оромонду не было до этого никакого дела, он шел рядом, но старательно ничего не замечал.

Слуга распахнул перед нами дверь, и мы оказались в

огромном зале с длинными массивными столами и лавками. Не удивлюсь, если это была самая большая комната в замке: с высокими сводчатыми потолками, камином в человеческий рост, в котором ярко пылало пламя, с гобеленами на стенах, изображающих сражающихся драконов и людей, и головами убитых животных-трофеев. В углу я даже заметила чучело оскалившегося медведя и поморщилась. Никогда не понимала эту дичь, но, очевидно, Гемрор был из тех, у кого есть необходимость что-то там компенсировать. Это прослеживалось даже в том, что обедал он в зале, который со стопроцентной вероятностью использовали для военных собраний или различных празднований, а не в комнате поменьше.

Стол, за который нас усадили, стоял поближе к камину, поэтому мне пришлось стянуть накидку, чтобы не свариться. От других он отличался еще и тем, что здесь стояли мягкие кресла, в одном из которых я сразу же утонула. Если бы не тонизирующий взгляд коменданта, тут бы и уснула! Но при виде сервированного ужина и донесшихся до меня ароматов, я поняла, что подкрепиться действительно не помешает. Тем более что повар явно расстарался: запеченный гусь, свежий хлеб с маслом, соленья, паштеты, тушеные овощи и свежие фрукты. Ощущение такое, что кто-то тут собрался отмечать новый год, но я уже успела сделать выводы насчет Гемрора, чтобы понять — такой пир для него готовят каждый день. А учитывая, что нас ждали на следующей неделе, это только подтверждало мое предположение.

Помимо туара Оромонда на ужине присутствовал еще один военный, который представился мне как туар Нимор, а вот кресло напротив коменданта пустовало, хотя приборы слуги принесли и выложили. Все это я для себя отмечала мимоходом, больше жуя, чем участвуя в «мужской» беседе. После долгого путешествия, когда на постоялых дворах не всегда получалось нормально поесть, еда на столе показалась мне просто божественной. Правда, в отличие от привыкшей налегать на булки Антонии, я предпочла мясо. Но у коменданта было другое мнение насчет вкуса.

— Почему недосолено? — рыкнул он на служанку, которая принесла еще закусок, схватил ее за руку и подтащил к себе.

— Этого не может быть, туар Гемрор, — побелела она. — Лора кладет ровно столько специй, как вы любите...

Я заметила, что комендант с силой сжал запястье девушки, рискуя оставить синяки на коже, и усилием воли заставила себя остаться на месте.

— «Недосол на столе, пересол на спине» — гласит известная мудрость, — сказала я. — Попросите служанку принести соль, и ваш ужин, туар Гемрор, будет спасен.

Уверена, моя улыбка сейчас больше напоминала оскал, потому что в этом была вся я, которая ненавидела, когда обижают слабых, тех, кто не может за себя постоять. Но Гемор принял мой выпад за флирт.

— Вы умны не по годам, йяра Антония, — хмыкнул он,

отпуская девушку, которая тут же метнулась в сторону выхода.

— Не лучшее качество для женщины, — вставил свой «пятак» Оромонд, и мужчины дружно захохотали.

Я уже множество раз проходила это в своей прошлой жизни, поэтому на выпад никак не отреагировала: мне же лучше, если меня недооценивают. И не такие обламывались: в школе, в институте, на службе. Теперь в этом богом забытом месте.

Служанка принесла соль, но Гемрор утратил к ней всяческий интерес, поэтому она убежала так же быстро, а я тяжело вздохнула. Потому что если такое отношение к людям и к женщинам в частности здесь в порядке вещей, мы с комендантом не подружмся. И тут даже вторая великая мудрость про «со своим уставом в чужой монастырь не ходи» не работает. Бытовое насилие для меня табу. Даже годы службы не заставили меня относиться к этому равнодушно.

На этой мысли я почувствовала привкус крови во рту: меня настигла дурная привычка из прошлого. Когда я о чем-то раздумывала слишком усиленно или пыталась не совершить необдуманный поступок, например, не встать и не съездить по морде коменданту-садисту, я прикусывала щеку. Иногда вот так сильно, но это всегда отрезвляло. В этот раз тоже сработало.

Для начала следовало позаботиться о себе и девочках, которые со мной приехали, потом уже разбираться со всем

остальным.

— Благодарю вас за гостеприимную встречу, туар Гемрор, — я решительно поднялась, — буду благодарна вам еще больше, если велите слугам показать мне мой новый дом.

— Дом? — вскинул темные густые брови комендант. — Я приказал выделить вам спальню в моем замке, йяра Антония.

Я снова больно прикусила щеку, поймав на подлете слова о том, что замок как бы княжий, а не геморройный. Меня еще больше разморило от плотного ужина и усталости, и сейчас моя внутренняя батарейка требовала подзарядки. Все остальное я предпочла отложить до завтра.

— Тогда попросите слуг меня туда проводить, — попросила я, а Гемрор вдруг поднялся:

— А знаете, что? Я провожу вас в вашу комнату лично.

Вот только этого мне для полного счастья еще и не хватало! Я как бы не вчера родилась, чтобы не заметить, какими сальными взглядами меня пожирает этот ходячий геморрой, так что от таких проводов никакого профита, а вот реальные проблемы точно нарисуются. И если в родном мире я привыкла решать все четко, по делу и сразу, то в этом условном Средневековье вряд ли так получится. Хотя бы потому, что тело Антонии не создано для самозащиты. Княгиню я, похоже, на адреналине кинула в какахи, ну и, говоря откровенно, по сравнению с этим похотливым бегомотом княгиня просто осенний листочек. Ничего не весящий. Мне как бы надо привести себя в форму, чтобы отбиваться от таких вот... геморров.

— Туар Оромонд, присоединитесь к нам? — уточнила я. Гемрор нахмурился:

— Зачем это? Я способен обеспечить вашу безопасность единолично, прекрасная йяра.

И от себя тоже?

Я чуть было не спросила это вслух, но вовремя опомнилась и в упор посмотрела на сопровождающего.

— Уверен, туар Гемрор отлично справится, — попытался проявить мужскую солидарность он, но я не стала сдаваться.

— Я тоже уверена, но у меня к вам одно секретное дело,

— сказала я и подмигнула ему. — Послание. Для ее светлости.

Сказать, что Оромонд опешил — значит, ничего не сказать, он даже ножом мимо тарелки промазал. А вот Гемрор помрачнел, но именно этого я и добивалась. Со стороны выглядело так, что мои симпатии на стороне Оромонда. Нет, я не была настолько наивна, чтобы предполагать, что коменданта это остановит, но я и не собиралась здесь оставаться дольше одной ночи. Перееду завтра же! Крепость, конечно, не город-миллионник, и даже не уютный поселок, но я уверена, местечко для меня где-нибудь найдется. Чем расплатиться, тоже придумаю: драгоценностей Антонии и ее нарядов на первое время хватит, а потом буду работать. Руки-ноги-голова есть, не пропаду точно.

— Я... м-м-м... гм... — Оромонд зло посмотрел на меня. — Еще не закончил ужинать.

— Ее светлость очень расстроится, если не узнает, что я хотела ей сказать, — напирала я.

В конце концов, начальник стражи княгини понял, что мне проще дать, чем объяснить, почему нет, и поднялся из-за стола. Гемрор помрачнел еще сильнее, а я повернулась к нему с милой улыбкой:

— Вы еще не передумали, туар Гемрор? А то у меня глаза просто слипаются.

Он зло посмотрел на меня, как будто на ходу раскусил мою игру. Если так, это гораздо, гораздо хуже, потому что

тупой противник — это одно, а умный и изощренный — совсем другое. Но отказываться не стал, кивнул Оромонду. Я незаметным движением стянула нож, которым резала мясо, спрятала его в рукаве, и мы знакомой процессией выдвинулись из столовой, но теперь уже совсем в другую сторону.

Как бы телу Антонии ни хотелось на боковую после обильного ужина, я заставляла его бодрствовать, на ходу отмечая моменты, которые не позволят мне потеряться в замке, случись что. Надо как минимум знать, куда бежать, и если путь до столовой был еще более-менее простым, то вот этот, до спальни, длинным и заковыристым. То ли Гемрор делал это специально, то ли действительно решил определить меня куда подальше, но мы прошли несколько коридоров, петляя поворотами туда-сюда, потом поднялись по лестнице, еще по одному коридору и по еще одной винтовой.

— Ваша комната находится в башне, оттуда открывается отличный вид, — прокомментировал он последний подъем.

А еще оттуда сложнее сбежать, если ты не Рапунцель. Волосам Антонии, конечно, можно было позавидовать, но до земли на них точно не спустишься.

— Еще мне понадобятся Залла и Эльга, — сказала я.

— Завтра, — отрезал Гемрор, — ваши служанки сейчас в крыле для прислуги, это на другом конце замка.

— А если мне что-то понадобится?

— Можете попросить меня лично, — осклабился он.

Я поплотнее перехватила нож под рукавом, искренне на-

деясь, что никто из слуг не заявит ему о пропаже. Конечно, использовать его я собиралась в самом крайнем случае, но моя выработанная на службе интуиция просто кричала о том, что крайний случай может наступить в любой момент. Как в тот самый день, когда я поехала на свой последний вызов...

Усилием воли я заставила себя не думать о случившемся, возвращаясь в реальность. Антония — создание нежное, и это по ней читается на раз. Защиту ей давало положение невесты Князя (и то сомнительную). Невеста, невеста... из парного теста! Из которого все лепили все, что им угодно.

В башне обнаружилась вполне приличная комната с мутным окном, настолько мутным, что даже никакие шторы-портьеры не требовались, лунный свет сюда практически не проникал, крепкой кроватью с балдахином, шкаф, кресло, и... ночная ваза. Да уж, с удобствами в этом «стилизованном отеле» было не очень. После того, что я видела в княжеском дворце в столице, я грешным делом подумала, что у них так везде, почти как в нашем мире, с поправкой на нравы, но, видимо, ошибалась. Еще на столике перед зеркалом обнаружили тряпочки для умывания и тазик с водой. Наверняка такой же холодной, как эта комната.

— Я здесь замерзну, — подвела итог я, оглядевшись.

— Как я уже сказал, мы вас не ждали так рано, — хмыкнул Гемрор. — Но вы можете провести ночь в моих апартаментах, там есть обогревающие артефакты.

И ухмыльнулся.

— Выйдите, — скомандовала я. Прорвалось мое прошлое, и он мигом перестал ухмыляться, даже сделал пару шагов назад. Потом, правда, опомнился:

— Вы — моя гостья, Антония, — недобро прищурившись, произнес он с нажимом. — Здесь вам не столица, это военный гарнизон, и все подчиняются мне. Поэтому лучше бы вам со мной не ссориться.

После этого он и впрямь вышел, гроыхнув дверь, и мы остались наедине с Оромондом.

— Вы — военный высшего ранга, — зло процедила я, глядя начальнику стражи прямо в глаза, — и вы прекрасно видите, что творится у вас под носом. Как вы могли ему позволить вести себя так?

Оромонд хмыкнул:

— Моим поручением было доставить вас в целости и невредимости, и я с этим отлично справился. — Он посмотрел на меня сверху вниз. — Ну а что касается Гемрора... он, в общем-то, прав. Не артачься, и будешь тут как сыр в масле кататься.

Княгинина радость быстро перешла на «ты», очевидно, осознав, что теперь за меня никто не вступится. Не говоря уже о том, что у него наверняка пригорало из-за того, как я его развернула по дороге.

— Ты, йяра Антония, мягко говоря, не красавица, — в его «йяра» звучала откровенная насмешка, — поэтому почитай

за счастье, что на тебя обратил внимание такой высокоранговый мужчина. Особенно после того, как Великий князь тебя попользовал и вышвырнул.

От такого откровения я на мгновение опешила, потому что память Антонии ничего такого мне не подбрасывала. Но уже в следующее мгновение я поняла, что Оромонд не лгал. Перед глазами как вспышка родилось новое воспоминание.

В частности, о том, почему Антония так боялась того кабинета. И князя.

С тех пор, как Риаран назвал Антонию своей Искрой, все вокруг наперебой твердили, что ей невероятно повезло. Твердили так часто и уверяли так горячо, что быстро убедили девчонку с не самой высокой самооценкой, что без князя она умерла бы под забором. Что без него Антония ничего из себя не представляет. Глупая неуклюжая уродина, которая просто вытянула счастливый билет в лучшую жизнь. Лучшую, как же! Тони в родном замке не сказать чтобы жилось совсем сладко, но ее, по крайней мере, не третировала будущая свекровь, за ее спиной не смеялись придворные, а жених всеми правдами и неправдами не пытался «активировать» в ней собственную магию.

Когда стало понятно, что «загруженная» в Антонию искра медленно угасает, Риаран взялся за невесту всерьез. Сначала вливал в нее магию с помощью простых прикосновений, потом по классике жанра сообщил, что свадьба всего лишь формальность. По идее, между драконом и Искрой должно было искрить, но и здесь что-то пошло не так. Хотя Антония восхищалась князем, даже запала на него, в первый раз на столе в драконьем кабинете ей было стыдно и невыносимо больно. И все последующие разы тоже. Самое ужасное заключалось в том, что не князь принуждал Тони, она сама приговорила себя к этим пыткам своими мыслями и жела-

нием пробудить в себе искру. Навязанным чужим мнением, что она недостаточно хороша. Недостаточно красива, недостаточно умна, недостаточно утонченна, и дальше по списку.

Мне достались лишь обрывки воспоминаний Антонии, боль и желание, чтобы это поскорее закончилось, но этого хватило, чтобы возненавидеть Великого князя еще сильнее. За то, что своим безразличием допустил подобное. За то, что не защитил свою Искру, которая на самом деле было недостаточно «зубастая», чтобы дать по рогам всем, кто третировал ее на протяжении огромного промежутка времени.

У меня в груди защемило от боли за эту девочку, которая не жила, а существовала.

Но Антонии больше нет. Теперь вместо нее я, и притворяться не собираюсь. Я сжала кулаки и разжала, ответив тугу в его же ключе:

— Это каким местом я не красива, Оромонд? Ты сам только что сказал, что все высокоранговые мужчины падают к моим ногам с первого взгляда. Сначала князь, теперь комендант крепости. Если не можешь оценить мою красоту и обаяние должным образом, то скорее всего сам не дотягиваешь до высокого ранга!

Начальник стражи пошел красными пятнами и процедил:
— Удачи с завоеваниями, йяра Антония! Но что-то мне подсказывает, что ты закончишь свою жизнь в местном борделе.

С этими словами и гадкой улыбочкой он вышел из моей

комнаты, в точности повторив пассаж Гемора. Я тут же побежала к двери, убедилась, что она пережила двойной удар, и задвинула хлипкую щеколду. Поразмышляв парусекунд, я еще и подтащила к выходу тяжелый стул. Удержать он может не удержит, но грохот разбудит, если я все-таки задремаю! Только после стащила платья — верхнее и нижнее, и, оставшись в панталонах и в подобии короткой комбинации, залезла в постель, положив нож рядом с подушкой.

Одеяло пахло пылью, поэтому я пару раз от души чихнула, но, по крайней мере, оно было плотным. Промах коменданта, который наверняка рассчитывал, что несостоявшаяся невеста князя замерзнет и сама прибежит к нему греться. Темный провал камина и отсутствие дров на подставке намекали на то, что топить комнату в башне даже не собирались. Но у меня был камин. И комната. И куча проблем, связанных с комендантом и этой крепостью!

Но лучше это, чем козни княгини. Лучше, чем оставаться послушной куклой князя и девочкой для насмешек таких уродов, как этот Оромонд. В отличие от Антонии я никогда не умела прогибаться и не прогибалась под систему. Под тех, кого не могла уважать. А те, кого я уважала, никогда не требовали ничего сверх соблюдения служебных обязанностей. Сказать, что в своей земной жизни я не сталкивалась с трудностями, я не могла. Одна служба чего стоит! Такого повидала, вовек из памяти не сотрешь. В моей жизни было не меньше дерьма, а может быть, даже больше, чем в жизни Ан-

тонии, но меня они не сломали, а сделали жестче. Возможно, поэтому мой путь не закончился, а продолжился здесь, в этом теле и в этом месте. Потому что только я могу с этим всем справиться.

Что ж, спасибо, судьба!

Я переложила нож под подушку и сжала его в кулаке. Сюда бы лучше «Грач», но на безрыбье и рак рыба. Кажется, приятные и наполненные сном ночки закончились по пути в Герменерр.

Спала я чутко, но хотя бы спала. От малейшего шороха открывала глаза и снова проваливалась в полусон-полудрему, а потом опять просыпалась. Неудивительно, что утром Антония напоминала панду. То есть я напоминала панду: во-первых, от подозрительно-бессонной ночи, а во-вторых, от того, что с дороги вчера затолкала в себя столько еды, сколько... привыкла. С привычками тела будет сложно, это я знала по себе: они прописываются на уровне физиологии и биохимии, и, когда тебе кажется, что ты все контролируешь, все внутри тебя контролирует та самая биохимия.

Глубоко вздохнув, ополоснула лицо в выданной мне лохани, воспользовалась ночной вазой, причесалась, оделась и пошла разбирать баррикады. Мне бы не помешало сменить наряд, как следует помыться, а еще сегодня же надо было начинать поиски жилья — для себя и для Заллы с Эльгой. Оставаться здесь и оставлять девушек во власти этого самодура (все они здесь такие, что ли?) — точно не вариант.

Правда, что с первым, что со вторым были сложности: мой багаж, читай, сундуки, с которыми Антонию выпнули из столицы, в башню не принесли, а где искать девушек, я тоже не представляла. Оставалось одно: найти Гемрора, чтоб его гемморрой замучил, и поиметь с ним еще одну неприятную беседу. Сунув нож в сапог, я вышла из комнаты и отправилась

в новый день.

Впрочем, долго искать не пришлось — стоило мне спуститься из продуваемой всеми ветрами башни в коридор, а после свернуть по нарисованной в памяти карте в первый переход-анфиладу, там обнаружили все. И Гемрор, и бледные до ужаса служанки, и мои сундуки. Почему-то раскрытые.

— Что здесь происходит? — поинтересовалась я, и мой голос эхом разнесся по просторному залу, хотя и не менее мрачному, чем все это место.

Слабенький дневной свет пробивающийся из окон, осветил испуг на лицах роющихся в моих вещах слуг, а Гемрор только вскинул бровь:

— Обычный досмотр, — произнес он пренебрежительно.

— С какой целью и по какому праву?

В тот момент, когда я это спросила, слуги выглядели так, будто не прочь повышвыривать из сундуков все, залезть туда и захлопнуть крышки. Изнутри.

Гемрор раздул ноздри и гневно посмотрел на меня:

— По такому праву, что это теперь — моя собственность. Вы будете жить в моем замке, есть мою еду, и я распоряжусь вашими вещами ровно так, как захочу я.

— То есть грабите женщину на глазах у свидетелей и не стесняетесь? — Я сложила руки на груди и посмотрела на него в упор. Рычать на слуг я не видела смысла, они здесь все как зайцы запуганные, наверняка Гемрор не гнушается

и телесных наказаний, и денежных.

Он аж побагровел от моего заявления.

— Да вы... ты... вы... как ты смеешь!

— Говорить правду? — уточнила я. — У меня есть такая особенность. А теперь давайте начистоту: оставаться в *кня жеском*, — я подчеркнула это слово, — замке я не собираюсь. Поэтому все мои вещи поедут со мной туда, куда передо мной. И уж точно распоряжаться ничем моим вы не будете.

Комендант уже умудрился прийти в себя, в два шага преодолел разделяющее нас расстояние:

— Вы здесь не в столице, йяра Антония, — ядовито выплюнул он. — И ваши капризы мало кого тут интересуют. Не говоря уже о том, что вы ставите под сомнение мой авторитет, а этого я не позволю никому! Даже бывшей искре.

— Свой авторитет вы сами поставили под сомнение, — хмыкнула я. — Когда собрались разворовать мои драгоценности и подарки его светлости. Вы же их искали, правда?

— Ах ты... — зашипел он и схватил меня за косу, заставляя запрокинуть голову.

Это было больно. Но я отточенным движением просунула руку между Гемроровских ног и схватила его за самое ценное в его жизни. Пусть у тела Антонии не было навыка драки и самозащиты, ни один мужчина всех миров еще не оставался равнодушным к крепкому сжатию бубенчиков. Вот и Гемрор не остался, глаза его выкатились из орбит, и он бешено посмотрел на меня.

— Руки прочь от меня. И от моих сундуков, — заявила я.
— Запомните эти ощущения, туар Гемрор. И, если не хотите, чтобы они повторились, никогда больше не пытайтесь меня обидеть.

Я чуть ослабила хватку, чтобы дать ему продышаться.

— Договорились?

Пальцы на моей косе разжались, он посмотрел на меня так, будто не прочь был убить на месте. Я же выдержала еще какое-то время и отпустила, стряхнув руку.

— Ты пожалеешь, — прошипел Гемрор мне в лицо. — Очень сильно пожалеешь... йяра Антония!

Плюс один враг, поздравьте меня. Но здесь было без вариантов — с того самого момента, как он пялился на меня, как на кусок мяса с пышной грудью, а после отправил в карцер, то есть в башню, где я была совершенно одна — для психологического давления, между нами все было кончено. То есть предрешиено.

Он вылетел из зала, рывкнув на слуг:

— За мной!

Мы с Эльгой и Заллой остались одни, и, как я и предполагала, никто не пришел к нам, чтобы помочь с сундуками.

— Берите все самое необходимое, — сказала я. — Драгоценности нам придется спрятать, везти их с собой не вариант.

— Но как же... — У Заллы расширились глаза, когда она увидела, как я ножом выковыриваю крупный камень из оже-

релья. — Ох! Что вы делаете, йяра Антония?!

— Зная Гемрора, ничего хорошего нам не светит. Тащить с собой драгоценности опасно, мало того, что за них нас могут просто прирезать, так еще и хранить их там, где мы будем жить, вряд ли получится. Поэтому оставим здесь. До лучших времен. Понимаю, что вы мало с кем успели познакомиться, но может быть, увидели что-то интересное? Где можно спрятать то, что впоследствии пригодится?

Или не пригодится. Но попробовать стоило. В любом случае, вот так просто отдавать ценности Гемрору я не собиралась, шел бы он лесом. Если хочет распоряжаться моими вещами — пусть надевает платья Антонии и щеголяет в них перед всем честным народом.

Эльга с Заллой переглянулись.

— Ну... мы почти ни с кем не разговаривали, но одна девушка на кухне рассказывала всем, что вы за ужином спасли ее от наказания. Из-за соли, или что-то вроде того...

— Поговорите с ней. Возможно, она нам поможет. Только осторожно, чтобы никто не видел, иначе у нее могут быть неприятности.

Залла кивнула и убежала, а мы с Эльгой продолжили сборы. Брали только то, что было действительно нужно: простые теплые платья, которые можно унести, на первое время, никаких корсетов и кринолинов, панталоны (с местной антисанитарией они мне понадобятся), туфли и сапоги на смену этим.

Девушка согласилась нам помочь, и я передала ей драгоценности, которые мы завернули в грязную тряпку для уборки.

— Будь осторожна, — предупредила я. — Если Гемрор узнает, что ты нам помогаешь...

— Не узнает, — прошептала она, — он на нас обращает внимание только когда мы что-то делаем не так.

— И все равно. Пока мне нечем тебя отблагодарить, но как только такая возможность появится...

— Да вы меня уже отблагодарили тем, что спасли вчера. Никто никогда за меня не заступался.

Мне даже неловко стало, потому что заступаться в моем понимании — это воткнуть вилку Гемрору в ладонь. В ту самую, которой он схватил девушку. Но сейчас я только вздохнула и кивнула, к ножу в сапоге присоединился тот самый выковыренный камень, который должен был обеспечить нам проживание на первое время.

Из крепости нас выпускали с надменными лицами, а дальше...

— Вам нельзя находиться на третьем уровне. Приказ туара Гемрора.

И стража сопровождает нас с девушками к следующему уровню, на котором все повторяется.

— Вам нельзя находиться на втором уровне. Приказ туара Гемрора.

И вот мы снова там, откуда начинается крепость. То есть

в самом что ни на есть настоящем, совершенно не условном Средневековье. Здесь повсюду грязь, люди смотрят зло и устало, у солдат на лицах прописана тяжелая служба, как и у всех остальных.

Ворота за нашими спинами захлопываются, и я с перепуганными Эльгой и Заллой остаюсь один на один с пасмурным, укутанным свинцовыми тучами днем, и нашей новой реальностью.

— Как же здесь страшно, — прошептала Эльга. Она шла настолько близко ко мне, что буквально дышала в затылок. Девчонки жались ко мне со двух сторон, как к единственному спасителю.

— Не страшно, а просто грязно, — ответила я, когда мы прогулялись по главной дороге. — Поверьте, в замке нам было бы гораздо страшнее. Такие, как этот комендант, считают, что им все можно.

— А разве это не так? — робко спросила Залла. — Он ведь главный.

— Главный — это тот, кто заботится о своих подчиненных, а не третировает их. И уж тем более женщин.

— Он сделал с вами... что-то нехорошее? — заикаясь поинтересовалась Эльга.

Я остановилась и посмотрела ей в глаза.

— Он выгнал нас на улицу. Этого достаточно?

— Я про вашу честь, — пробормотала девушка, а ее щеки ярко вспыхнули.

— Да ее уже давно нет, — ляпнула я, не подумав. Сейчас голову занимали мысли, где нам жить и что есть. Это сейчас было важнее какой-то эфемерной чести. — Князь давно забрал.

Глаза Эльги наполнились слезами.

— Я знаю про это, йяра. Вы тогда так плакали, но сказали, что он ваш будущий муж, и поэтому не страшно.

А теперь муж объелся груш.

— Эльга имеет в виду, не обидел ли вас комендант, — уточнила Залла.

— Тебя интересует, не пытался ли он залезть ко мне под юбку? Давайте договоримся называть вещи своими именами, хорошо?

Пунцовые от смущения девчонки испуганно закивали, а я призналась:

— В общем, именно благодаря тому, что ему это не удалось, мы оказались на улице.

— Но это ужасно!

— Он не имел права!

Мои вынужденные напарницы принялись наперебой рассказывать, какая это несправедливость.

— Надо написать князю и попросить его повлиять на этого ужасного человека, — наивно предложила Эльга.

— А толку? — хмыкнула я. — Риаран сам отправил меня сюда. Значит, ему прекрасно известно, что здесь происходит. Я его интересовала исключительно как Искра, так что, поверьте, князь давно забыл о моем существовании.

Я уже молчу о том, что вряд ли мои жалобы «выпустят» из крепости, в которой Гемор царь и бог.

— Но что нам тогда делать?

Залла толкнула локтем готовую разрыдаться Эльгу, но та,

кажется, совсем упала духом.

— Эй, — я шагнула к девушке и похлопала ее по плечу, — не кисни. Прорвемся.

Возможно, не будь того предательского эпизода в моей жизни, я бы больше общалась с женщинами и вообще умела с ними общаться. Но я предпочитала общество мужчин, в среде которых всегда была «своим парнем», поэтому сейчас не представляла, как мне быть с двумя растерянными девочками. Оставлять их в замке после того, что я увидела — не вариант. Они же хорошенькие и совершенно беззащитные, с коменданта станется приставать к ним или отправить их в местный бордель.

Эльга посмотрела на меня большими глазами, а затем вдруг шагнула и обняла меня.

— Йяра Антония, простите меня. Вам сейчас гораздо-гораздо хуже, а я...

Мне было не хуже, а неловко, поэтому я поспешно выпуталась из ее объятий.

— Нам всем тут несладко, — кивнула я. — Но именно этого комендант и добивается. Чтобы мы приползли к нему на коленях. Не дождется! — Я строго посмотрела на притихших девушек, чувствуя себя капитаном импровизированного отряда. — Мы сегодня же найдем себе дом на нижнем уровне. Затем устроимся на работу и нормально заживем.

— Вы тоже будете работать, йяра? — охнула Залла.

— Конечно. — Я указала на вывеску заведения, которая

гласила, что это жилой двор «У Верна». — Попробуем устроиться здесь.

Что ж, Верн отказал нам практически сразу, отправив вниз по улице в какую-то местную ночлежку для солдат. Но там нас тоже послали, и дальше по списку. Когда люди узнавали, кто я такая, а глядя на мои богатые одежды и драгоценный камень вместо денег, они этим сразу интересовались, то сразу отправляли меня... на Второй уровень. Куда, естественно, путь нам с девочками был закрыт.

Я не ждала, что с мстительностью Гемора будет легко, но искренне надеялась, что на Первом уровне деньги любят больше, чем боятся коменданта. Мой просчет стоил мне потраченного времени и натертых ног. Антония в жизни столько не ходила пешком, поэтому сейчас я каждым сантиметром кожи от стоп до щиколоток чувствовала кровавые мозоли. Я чувствовала себя бедной студенткой, которая приехала на Юг в самый разгар сезона и ходит по гостевым домам в расчете найти что-нибудь подходящее. В нашем случае это было хоть что-нибудь. К тому же, давно перевалило за полдень, и желудок Антонии принялся урчать на всю улицу. Девчонки не ныли, но я видела, что и они тоже устали от этой неопределенности.

Заметив на одной из улиц ломбард, я, прихрамывая, направилась к нему.

— Сколько возьмете за этот изумруд? — поинтересовалась, выкладывая камень на стойку.

— Краденый? — подозрительно спросил седой мужик с крючковатым носом.

— Подарок любовника, — невозмутимо ответила я.

Он покрутил его в руках, изучил с помощью каких-то инструментов и выдал:

— Десять рир.

К счастью, местные расценки в моей голове с памятью Антонии остались, поэтому я не позволила себя нагреть:

— Десять? Этот камень стоит как минимум двести!

— Может, там, откуда вы, он и стоил двести, а я готов дать вам десять.

— Я согласна на сто пятьдесят.

— Я не дам больше пятидесяти.

— Идет! — Я по привычке протянула руку, но оценщик лишь поморщился и выложил на стол мешочек с монетами. Можно было торговаться дальше, но с такого типа станется передумать. Пятьдесят нам троим на первое время более чем хватит, а там посмотрим. — А что-нибудь для самозащиты у вас есть?

Он слегка опешил, а затем выложил на прилавок несколько ножей. Не ту зубочистку, которую я одолжила из замка, а нормальные клинки. Мой взгляд сразу упал на самый простой в центре, он легко лег мне в руку. Поэтому пришлось расстаться с еще десятью рирами.

Я все пересчитала и спрятала нож под одеждой, прежде чем выпорхнуть из местной комиссионки к ждущим на ули-

це девочкам. К счастью, нам удалось устроиться за столиком в одной из таверн, к которой на Земле возникло бы много вопросов от санэпидемстанции, но нам всем было уже без разницы. В похлебке, которую мы купили, толком и мяса не было, только бульон и овощи, но я съела все до последней ложки и не отказалась от хлеба, не белого, как в замке, а «черного бородинского» и давно засохшего. Заодно во время обеда перевязала ноги платками, нашедшимися в бауле, который несла Эльга.

«Хвост» я заметила сразу же, стоило нам покинуть таверну. Двое крепких коренастых мужчин следовали за нами, не особо скрываясь. Очевидно, считали, что хорошо одетые приезжие дамочки ничего не заметят. Я не знала, это подарок от коменданта, или оценщик решил, что я показала ему не все аметисты, но, дождавшись, пока мимо проедет телега торговца, закрывая преследователям обзор, быстро свернула на узкую тихую улочку. Затолкала девчонок в проем между домами и приложила палец к губам. Второй рукой я крепко сжала приобретенный нож, надеясь, что он все-таки не потребуется.

— Куда они делись? — раздался грубый каркающий голос возле входа в переулок.

— Может, присели по нужде, — ответил ему подельник.

— Все трое?!

— Да кто их, этих баб, разберет!

Они еще о чем-то говорили, но голоса начали отдаляться,

и уже было не разобрать.

Я перевела дыхание, чтобы тут же ощутить чужую ладонь на своем плече. Приняла стойку на автомате, и нож вскинула тоже по привычке из прошлой жизни.

Оказалось, мы спрятались не в нише, это был вход в чей-то подвал.

— Тише, йяра, — вскинул руки рыжий парень. Такой тощий и чумазый, что сложно было разобрать, сколько ему лет. — Я вас не обижу. Меня за вами отправила Сина.

Я непонимающе моргнула, и он добавил:

— Из замка. — Парень внезапно улыбнулся, показывая кривые выступающие вперед зубы. — Когда она сказала, что невеста князя боевая, я не поверил. А оказывается, это правда. Меня зовут Малл, я отведу вас в безопасное место.

Часть 2. Девушка из богатой столицы. 1

— Получи искру!

— А-а-а-а-а! П-ш-ш-ш! Н-на!

— Ай! Больно!

— Ты совсем дурак?! Чего в меня тыкаешь горелым?!

— Аня-а-а-а-а!

— Аня, она меня бьет!

— Он первый начал!

— А ну застыли все! — Подчиняясь моему командному голосу, дети и правда застыли и засверкали на меня глазами-бусинками из полумрака подземных катакомб.

Вот уже месяц мы с Эльгой и Заллой жили в местных трущобах. Я тренировалась каждый день, благодаря чему могла уже приседать и отжиматься без одышки, вернула себе навыки владения боевыми приемами, неспешно изучала обстановку, собирала информацию и готовилась к контраступлению.

Хотя бы потому, что у Гемора здесь было собственное криминальное государство в государстве. Во-первых, бордель и правда принадлежал ему. Ну то есть официально он принадлежал не ему, а одной «мадам», но пятьдесят процен-

тов дохода отжимал он, не говоря уже о том, что любую из девочек мог пользоваться лично, бесплатно и в любое время. Все, кто держал здесь хотя бы какой-то бизнес — пекарни-булочные, мастерские по пошиву одежды или обуви, кузницу и так далее — все платили ему. И это, увы, были не налоги в казну. Налоги в казну все платили плюсом.

Вся почта проходила через него лично, поэтому вариант «написать князю» и спросить, а собственно, это с вашего разрешения тут происходит, или как, отпал сразу. Князю же, весьма очевидно, не было никакого дела до дальнего гарнизона, а те военные, кто здесь бывал проездом, ничего не докладывали, потому что Гемор «умел договариваться».

У него была целая сеть осведомителей, которые сообщали ему чуть ли не цвет трусов нового приезжего, а заодно и весь компромат на него. Немалую роль играл тот самый бордель, в котором собирался компромат на случай, если инспектор или приезжий не захочет договариваться «полюбовно», то бишь за деньги. В общем, коррупция цвела и пахла, я бы сказала, воняла на всех уровнях. Но вот уже пять лет, с момента становления комендантом, Гемор вполне успешно держал свой местный Макао в своих цепких клешнях, и ничего ему за это не было.

— Так, ну и что у вас тут происходит?

— Мы в Искру играли, — чумазая семилетняя Ида сунула палец в нос.

— А она меня ударила!

— А он в нее горелой тряпкой ткнул! — вступилась за сестру-близняшку Ия.

На нижнем уровне оказывались неугодные. Или те, о ком некому было заботиться. Прощтрафившиеся перед Гемором, не так что-то сказавшие или сделавшие, те, кто не мог платить со своих доходов физически и вынужден был доживать свои дни в грязи и разрухе или работать, работать, работать до последнего вздоха на верхние уровни, пока не падал где-нибудь в оружейной мастерской замертво.

Да, Гемор помимо прочего был еще и торговцем оружием, которое поставлял в Дикие земли — место, где после кровопролитных войн за престол все окончательно погрязло на уровне Темного средневековья. На границе с ними стоял другой гарнизон, но у него были каким-то образом налажены поставки, и люди работали день и ночь, чтобы обеспечивать местного зажавшегося царька.

Но даже вся грязь и нищета местного уровня меркла перед местными «отверженными». Передо мной были дети, от которых отказались те самые девочки из борделя, у кого-то от болезней умерли родители, у кого-то тупо не было средств их содержать, и они скинули их на Талу.

Так звали женщину, которая согласилась нас приютить за то, что мы помогли ее дочери. Да, ту самую служанку, которую я спасла, звали Сина, и только благодаря Сине мы не оказались на улице без еды, питья и хотя каких-то мало-мальских условий. Хотя условиями то, где мы жили, на-

звать было сложно.

— Миритесь, — сказала я.

— Ну Ан-я-я-я...

— Я сказала, миритесь.

Я сократила имя бывшей искры до знакомого Аня — от первого слога «Ан» и до последней буквы «я», чтобы не заморачиваться с чужим именем.

— Ладно. Давай мириться, — первым протянул грязную ладошку Дул.

Ида сжала его пальцы так, что парень поморщился.

Всего здесь было двадцать детей, всех возрастов — от совсем малюток двух-трех лет до подростков, как Малл. И все они очень вдохновились моей историей, настолько, что в свободное от готовки или уборки время играли в Искру. Чтоб этой искре ни дна, ни покрываши.

Я же, помимо того, что занималась детьми и помогала с готовкой, ночами патрулировала улицы. Преступность здесь процветала, поэтому моя помощь была очень кстати. Солдаты внизу Гемора не любили, поэтому меня в итоге взяли «на службу». За такие копейки, которые даже озвучивать было смешно, но мне была важна сама служба как тренировка и восстановление боевых навыков, но главное — возможность взаимодействовать с военными. Которые поначалу вообще не воспринимали меня всерьез.

— В патрули? Дурная, шоль? Вон иди булки пеки! — заявил мне местный начальник, солдат с рябым испытанным ли-

цом, когда я впервые к нему пришла.

Но я не сдавалась: во-первых, помимо приказа Гемрора о том, что я — персона нон-грата, с четвертого уровня сползла байка о том, как я держала его за яйца. Эту историю пересказывали шепотом между своими, но ржали, и, как водится, после такого я стала весьма всем интересна. Во-вторых, даже самые дрожащие при одном упоминании Гемрора прониклись ко мне, когда я на второй день не сбежала с воем падать ему в ножки из нечеловеческих условий, а занялась обустройством собственной жизни и помощью отверженным.

За глаза меня называли «чокнутая девица из богатой столицы», но в этом не было ничего оскорбительного, скорее, наоборот. Мне было все равно как меня называют, главное, что понемногу я становилась «своей». И вот уже неделю я ходила в патрули, с тех пор, как на тестовом дежурстве с легкостью скрутила напившегося двухметрового кузнеца, отправившего в нокаут двоих солдат.

Вот тогда обо мне заговорили еще больше. Мол, что «эта ваша Антония» не так проста. А именно это мне и было нужно, потому что я собиралась скинуть Гемрора с его трона, занять его место и превратить эту крепость в то, чем она, собственно, и должна быть. В укрепленный оплот Эйрузии, где каждый может дышать свободно.

С Гемором, конечно, нужно было что-то решать, но приходилось двигаться к своей цели маленькими шагами. Иногда настолько крошечными, что я начинала злиться. Умом я понимала, что по чуть-чуть — это лучше, чем ничего, что к новому телу нужно относиться с вниманием и терпением, что в отличие от меня, спортивной с самого детства, выносливость Антонии оставляла желать лучшего. Но я-то помнила совершенно другой уровень, в котором у меня была другая энергия и физподготовка. Где я была быстрой, стойкой и сильной. И дело было даже не в весе, его я как раз обернула в свою пользу, используя, как движущую силу, когда нужно было скрутить особенно ретивого нарушителя правил. Моя предшественница привыкла ночами спать, сытно питаться и не думать про перевороты.

Эльга и Залла первое время ворчали по поводу скудного меню, причем даже не для себя, а для меня.

— Здесь же только одна каша! — слышала я от них каждый день и отвечала:

— Почему же одна? Она каждый день разная.

Тала действительно старалась разнообразить меню, насколько это вообще возможно в условиях Первого уровня. В этом мире были другие каши и назывались они по-другому, но я успела попробовать местную гречку, овсянку и пшенику.

К кашам обычно шли овощи на бульоне — соленый вариант, или ягоды и орехи — сладкий. Мясо здесь считалось роскошью, пять цыплят стоили целый рир, но самым дорогим был хлеб. Его Тала пекла раз в неделю, строго отмеряя нужное количество муки. Ее можно было купить лишь на ярмарке, которая проходила на Втором уровне — и здесь Гемрор постарался!

— Это же еда для скотины, — попыталась меня вразумить Эльга.

— Зато полезная.

— Как же, полезная? — фыркнула Залла. — У вас бока ушли, Аня!

Да, я все-таки добилась того, чтобы девушки ко мне обращались хотя бы без этого странного «йяра».

Бока у меня уходили не от каши, а от нового образа жизни, но я радовалась, что спустя месяц мышцы дрожали чуть меньше, и слушались меня чуть больше. Если бы это «чуть» подтянуть еще чуть-чуть! Помимо шагов во время дежурств, я каждое утро оттачивала собственные боевые навыки. Пока что в одиночестве, но мне не помешал бы партнер по спаррингам.

— Будете со мной заниматься, у вас тоже уйдут, — в очередной раз предложила я и снова натолкнулась на шок во взглядах.

— Да кто же меня тогда замуж возьмет? — ужаснулась Эльга.

— Меня вот князь замуж не взял, — пожалала я плечами.
— Из чего я сделала вывод, что дело не в боках или в их отсутствии.

Девочки остались при своем мнении и удалились, а я искренне пожелала, чтобы революция в Герменерре далась мне проще гендерной. Я не собиралась покушаться на стандарты красоты, но девушки и общие законы в этом мире заставили меня задуматься о том, что сесть на трон Гемрора у меня может не получиться не из-за отсутствия веры в себя, а, скорее, из-за отсутствия веры в меня остальных горожан. Банально потому что я женщина.

Поэтому мне нужна была ширма. Мужчина, которого будут бояться и уважать. За которым пойдут, в конце концов. Устраивать смену власти в одиночестве — заведомо провальная миссия. Один в поле не воин, как говорится.

Еще бы такого найти и убедить встать на мою сторону... Задача не из простых. Но пока я присматривалась и продолжала «прокачивать» тело, а заодно и собственную репутацию в дежурствах. Естественно, мы ходили не по одному, по двое, иногда трое, в зависимости, от «проблемности» участка. Поближе к тавернам меня ставили редко. Не знаю, как было на уровнях повыше, но на Первом жители старались вернуться домой еще до заката. Желających бродить по практически неосвещенным улицам почти не было. А те, кто был или задерживался, перемещались быстро и старались скользить в полутьме незаметно, не привлекая лишнего внимания.

Это не отменяло желания побуянить. Приходилось каждую ночь разнимать дерущихся супругов, что-то не поделивших собутыльников или картежников, а некоторых даже сажать в местный обезьянник. Иногда на Первый уровень забредали ищущие острых ощущений жители сверху. Их тоже приходилось защищать или защищать кого-то от них. К счастью, не считая памятного ареста кузнеца, мои дежурства были достаточно легкими. Однажды мы провели домой перепуганную женщину, которой показалось, что за ней гнался дух, потом арестовали залезшего в один из домов вора.

Дежурства для меня стали чем-то привычным, прочно вписались в жизнь. Или, скорее, вернулись. В отличие от столицы и дворца князя, здесь я чувствовала себя в родной стихии. На своем месте. Только бы порядки «в доме» навести...

Темная тень, мелькнувшая в конце улицы, прервала ход моих мыслей. Время близилось к трем: на улицах стало совсем пустынно, и даже завсегдатаи таверн расползлись по домам. Высоченный тип, выступивший из-за угла дома с другой стороны, ничем не напоминал загулявшего клиента таверн, потому что мужчина двигался неторопливо, но уверенно. *Он* все двигались уверенно, выныривая из переулков. Я насчитала троих... Нет, пятерых.

Сегодня со мной был лишь один стражник, Эрл, и он замер, когда нас окружили. Подошедшие мужчины выглядели как опасно. Лунный свет выхватил из темноты их лица — с такими отправляются на дело и грабят богатых прохожих.

Но мы с Эрлом вряд ли представляли для них хоть какой-нибудь интерес.

Ко мне шагнул один из мужчин со шрамом через все лицо, очевидно, главарь, рассматривая мое лицо.

— Красотка, — хмыкнул он. — Даже жаль тебя.

— Мы просто патрулируем улицы... — попытался договориться Эрл.

— Исчезни, мужик, — скомандовал главарь. — Ты нам не нужен. Мы пришли к йяре Антонию.

К чести Эрла он не сбежал, хотя здесь было от чего бежать. Подошел ко мне ближе и встал спиной. Зря, потому что у банды был совершенно другой уровень, чем у публики Первого уровня.

— Кого благодарить за нашу встречу? — спокойно поинтересовалась я. С такими, как этот, нужно было разговаривать как с диким животным. Не показывая страха и глядя в глаза.

— У вас столько поклонников, что вы не помните, йяра? — хохотнул он. — Этот самый преданный.

— Не знаю, насчет поклонников, но враг у меня один, — хмыкнула я в ответ.

— Зато какой! — оскалился главарь и резко выкинул вперед кулак.

Я увернулась, потому что была к этому готова. А вот Эрл за моей спиной свалился на брусчатку после одного мощного удара. Я осталась одна против пятерых бандитов, и надежда

на то, что меня просто хотят напугать, растаяла, когда главарь скомандовал:

— Развлекайтесь, парни.

И на меня бросились сразу двое.

Мне бы сюда сейчас «Грач» или, на худой конец, дубинку, но на первом уровне оказывались проштрафившиеся солдаты и стражи, поэтому им не полагалось даже какой-то мало-мальски приличной амуниции. Не говоря уже об оружии из современного мира.

С пятерыми я не справлюсь при всем желании, это я отметила, отправляя одного на землю к Эрлу точным, выверенным ударом в солнечное сплетение и уворачиваясь от второго. Сзади на меня бросился третий и получил головой по лицу, я услышала хруст его носа и отборную ругань, но на этом мое везение кончилось. Потому что собравшиеся поняли, что развлекаться со мной не получится, и когда четвертый перехватил меня сбоку, главарь и весьма разозленный предстоящей ринопластикой тип помогли ему меня скрутить.

Я, конечно, брыкалась, но телу Антонии еще не хватало тех сил, что когда-то были у меня, поэтому руки опутали веревки, ноги тоже, и последовал приказ:

— Тащите эту дикую кошку в подворотню! И покажите ей, какое у бабы истинное предназначение.

Я вцепилась зубами в волосатую руку, услышала вой, а потом получила такую затрещину, что в ушах зашумело, и рот наполнился металлическим привкусом. Приспешники Гемора потащили меня в заданном направлении. Правда, не дота-

щили: прямо передо мной землю (здесь даже брусчатка особенно не было, а та, что была — лучше бы не было) вспорол огненный хлыст. В сторону полетела крошка, искры, а еще мои несостоявшиеся «показыватели бабам их истинного предназначения».

В настоящий момент я представляла из себя кулек, поэтому могла видеть только огненные вспышки, летящие справа и слева. Изловчившись, я все-таки перекатилась на бок, чтобы увидетьдвигающуюся с поразительной быстротой тень. Если бы не огненный хлыст, с которым Тень управлялась (управлялся?) изящно и опасно одновременно, в ночи его вообще невозможно было заметить. Я подозреваю, именно поэтому банда Гемрора и не заметила.

Я едва ли услышала пару воплей, но, когда он закончил, все пятеро лежали на земле рядом с Эрлом и не подавали признаков жизни. Огненный хлыст растаял так же быстро, как появился, а Тень развернулся ко мне. Я понятия не имела, чего от него ждать, но в маскарадном костюме «колбаса любительская» не особо побегаешь, поэтому только ждать мне и оставалось. Надо отдать мне должное, я даже не дернулась, когда он вытащил нож и разрезал веревки, а потом одним пружинящим движением поднялся и протянул мне руку.

Его лицо было наполовину прикрыто платком, но о металлический взгляд можно было порезаться.

— Спасибо, — сказала я, когда оказалась на ногах. Рука

у него тоже оказалась крепкая, но почему-то другого я и не ждала. Телосложением мужчина едва ли уступал князю, но весь образ из-за темной одежды, почти полностью скрывающей его, все равно не складывался.

Я бросилась к Эрлу раньше, чем мой спаситель успел ответить, и проверила пульс. Слава богу, он был, и, хотя напарник заработал как минимум сотрясение, Эрл жив. Все остальное поправимо.

— Помогите мне донести его до участка, — попросила я, обернулась и... никого не увидела. Тень исчез так же быстро, как появился. Ну просто супер! Теперь у нас тут вдобавок ко всему еще и Мститель завелся. А впрочем, не мне жаловаться, если он выступает против Гемрора, нам с ним по пути.

Оценив обстановку, я взяла веревку, которой у бандитов было с запасом, и хорошенько связала их всех по рукам и ногам. И в довершение всего примотала бандитов друг к другу. Все они были без сознания и в подпалинах, поэтому коллективная вязанка получилась «обнять и плакать». После я наклонилась к Эрлу и потрепала его по щеке:

— Эй! Эй!

Напарник открыл глаза. Судя по расфокусированному взгляду, мне придется тащить его на себе.

— А? Что случилось?

— Идти сможешь? — спросила я. — Хотя бы чуть-чуть?

— Чуть-чуть? Да... смогу.

«Чуть-чуть» оказалось действительно «чуть-чуть», поэто-

му пока мы дошли до участка, с меня сошло сто потов и, возможно, пара-тройка килограмм. Но это не точно. Вопреки моим ожиданиям (обычно, когда мы возвращались из патруля, нас встречали темные окна и храпящий дежурный) в участке не спали. Помимо дежурного там еще почему-то обнаружился начальник дневной смены, который бросился ко мне:

— Вот вы где! Мы за вами уже дополнительный наряд отправили.

— Отправили? Это хорошо. Потому что на нас напали, Эрл пострадал, а нападавшие сейчас...

— Да найдем, найдем, — бодро отмахнулся обычно вялый из-за частых возлияний мужчина. Его усы топорщились в стороны, видно было, что его выдернули из кровати посреди ночи. — А ты иди.

— Куда идти? — не поняла я.

— Туда, — он махнул вглубь участка, где располагался его кабинет. — Тебя там видеть хотят.

— Кто?

— Один благородный йяр, да топай уже!

Благородный йяр? Здесь?

Я не стала комментировать собственные мысли и потопала, растирая запястья. Следы от веревок остались на них кровоподтеками, но в моем случае это точно не самое страшное, что могло случиться. Если бы не тот мужчина. Интересно, кто он?

Я шагнула в кабинет начальника, где пахло дешевым пойлом, и поняла, что разгадка ближе, чем может показаться. Потому что это только в кино можно не узнавать супергероя до последних двадцати минут фильма, даже если у него маска просвечивает или закрывает только часть лица, этого я узнала сразу же. Не только по ширине плеч, сравнимой с княжеской, и крепким мускулам, но и по стилю движений. В отличие от князя, у него были коротко стриженные темные, почти черные волосы и серые, словно стальные, глаза. А еще он оказался моложе, чем я представляла: я бы дала новому знакомому от силы лет двадцать пять. И то, с натяжкой и из-за взгляда, который крошил любое ЧСВ как камнедробилка. Тяжелый, опасный — совершенно не предназначенный для молодого мужчины.

— И снова здравствуйте, — сказала я, протягивая ему руку.

Он посмотрел на меня, прищурившись. Как будто оценивал, можно ли мне в принципе доверять.

— Закройте дверь, Антония, — скомандовал он. — У меня к вам есть разговор.

Я плотно закрыла дверь, хотя подозревала, что Тень точно позаботился о конфиденциальности этого разговора, и сложила руки на груди.

— Я вас внимательно слушаю.

— Для начала нам стоит познакомиться, — предложил он.

— Стоит, — кивнула я. — Вы про меня знаете, а я про вас до этой ночи ничего не слышала.

— И никогда бы не услышали, если бы своими действиями не подняли на уши Первый уровень Герменерра.

— Тем, что начала ходить на дежурства?

— Тем, что не захотели плясать под флейту коменданта.

— Флейта коменданта и я — совершенно несовместимые вещи.

Тень кашлянул в кулак, явно уловив аналогию, и попытался скрыть рвущийся наружу смех. Если до этого момента его взгляд был подозрительно-изучающим, то сейчас подозрительность ушла, осталось только изучение. Очевидно, я выглядела примерно так же, сканируя его.

— Данстон Давейн, — представился он с кивком головы.

— Антония Эдельвейс, — ответила я, а Данстон свел брови на переносице, что сделало его похожим на какую-то хищную птицу. Ястреба или коршуна.

— Мне нужно ваше настоящее имя, а не имя той, в ком

вы оказались по воле рока.

Если честно, я подвисла. Потому что до этого момента никто таких вопросов мне не задавал: начиная от князя и вдовствующей княгини, и заканчивая Эльгой и Заллой, которые знали Антонию как облупленную. То есть очень хорошо.

А этот Данстон за пару минут признал во мне попаданку? — Вы что-то придумываете... — попыталась я отвертеться, но он меня перебил.

— Я наблюдаю за вами с тех пор, как вы решили патрулировать улицы. Мало того, что бывшая невеста князя не побоялась жить в трущобах, она еще и защищает их обитателей. И не просто защищает. Я не знаком с боевым искусством, которым вы владеете, но как военный успел повидать многое. Мой отец был помешан на боевых техниках, поэтому я разбираюсь в них с детства. Девчонка из провинции в Эйрузии не может знать то, что знаете вы. Но даже если предположить, что может... Я бывал при дворе императора Вейсмейстрии и немного знаком с привычками иномирян. Вас выдаст протянутая при знакомстве ладонь. Вы тоже с Земли?

Дьявол в деталях. Впору было ругать себя за старые привычки, но интуиция подсказывала мне, что Тень мне все это выкатил не для того, чтобы шантажировать или сдать меня Гемору. Или я слишком себя обнадеживаю?

— Неважно, откуда я. Важно — что вам от меня нужно. Хотите рассказать всем, что я самозванка?

Данстон посмотрел на меня не мигая.

— Хочу предложить вам скинуть Гемрора с его трона.

— Мне?

— Нам, общими усилиями.

Учитывая, что я сама недавно думала про ширму, предложение Тени звучало как идеальный вариант. Подарок небес. Еще бы я верила в подобные подарки! Если бы я с кем-то делилась подобными идеями, то решила бы, что меня просто разводят, но я не делилась. А это означало, что не мне одной пришла светлая мысль о том, что Гемор тут лишнее звено, и без него в Герменерре будет лучше. Но вот так доверяться первому встречному, пусть даже спасшему меня от банды и даже от смерти, было не в моем стиле.

— С чего вы взяли, что мне это нужно?

Данстон криво усмехнулся и шагнул вперед, оказавшись со мной лицом к лицу, очень близко. Моего обоняния коснулся мужской аромат, но это был не кислый запах тех, кого я обычно арестовывала, не тошнотворный, парфюмированный, как у Гемрора. В нем были нотки специй, смешанных с опасностью. Тень словно сам был опасностью. А еще я вдруг осознала, что он дракон, и от этого осознания по коже побежали мурашки.

Я едва поборола желание отпрянуть, потому что близкое присутствие дракона вызывало во мне странные чувства, которые мне сложно было понять.

— Каждому, кто живет на Первом уровне, это нужно. Вы уже успели убедиться, что Герменерр погряз в коррупции

и беззаконии. Даже офицеры видят это, но несогласных находят с перерезанным горлом. В одиночку с этой чумой не справиться, и я ищу союзников, которые не побоятся пойти против Гемрора. Я достаточно долго наблюдая за вами, чтобы сделать выводы, что вы не из трусливых.

Даже если предположить, что комендант отправил его за мной... Слишком сложная комбинация. Головорезов за мной послать — это да. Но отправлять ко мне эту машину для убийства, еще и обладающую магией? Убеждать меня присоединиться к сопротивлению? Чтобы потом что? Я не настолько важная фигура, а Гемрор жестокий, но не настолько умный.

Но могу ли я доверять этому Данстону Давейну?

— Аня, — я все-таки протянула ему ладонь, которую Тень осторожно сжал.

— Крепче, — посоветовала я. — Если вам нужна моя помощь, я не желаю слышать, что место женщины на кухне.

— Кухня обойдется, — усмехнулся Тень, уверенно пожимая мне руку так, как я привыкла. — Ваши навыки будут гораздо полезнее в нашей небольшой революции.

Риаран

— Я не могу это объяснить, ваша светлость, — пробормотал целитель, тушуясь под его тяжелым взглядом. — Ваша искра... она... с ней все в порядке, но она растворяется в организме вашей избранницы. Эстель ар Вирандар полностью здорова, это я тоже могу подтвердить, но по какой-то причине...

— Довольно, — перебил князь.

И так становилось понятно: искра не хочет вливаться в Искру. Точнее, в ту, кого он выбрал после Антонии. Эстель готовили лучшие целители, и все должно было пройти хорошо, но вот уже третья попытка передачи неизменно заканчивалась тем, что искра не хотела приживаться в ее крови. Она просто таяла в ней спустя несколько часов. Антонии хотя бы удалось удержать ее в себе пару месяцев, что же касается Эстель...

Но такого просто не могло быть.

Да, магия драконов работает таким образом, что если у тебя уже есть одна Искра, сначала ее нужно опустошить. Извлечь частицу своей магии, перед тем как подселить искру в другую девушку. Но Антония была пустышкой, тех крох, что оставались в ней, должно было хватить на неделю — и это самое большее. Ей даже не нужно было проходить неприят-

нейшую процедуру извлечения, потому что искры в ней не было! Но...

Разве что существовала маленькая, ничтожно крохотная вероятность, что искра в Антонии все же осталась.

— Вы свободны, — произнес князь.

Целитель облегченно вздохнул, явно радуясь тому, что его отпускают после столь неприятной новости, и быстро покинул кабинет. Обычно мурчащее сопение кошек успокаивало, настраивало на нужный лад, но сейчас даже любимцы не могли поднять настроение. Потому что с этим нужно было что-то решать, и немедленно!

Ему нужна Искра, жена, и ему нужен наследник!

А лучше двое. Несмотря на то, что мать говорила: «Двое наследников — угроза переворота», Риаран так не считал. Он считал, что в случае заговора и гибели одного из сыновей, страна не останется без правителя. Как, собственно, случилось в Роване. Стефан Равьер выжил и превратил некогда местечковое королевство в мировую державу.

В дверь постучали, и мать вплыла в кабинет раньше, чем он успел ответить. Таким образом входить могли только она и Нияра, и то Риаран считал, что давал этим женщинам слишком много воли.

— Я слышала о том, что произошло с Эстель, — произнесла княгиня, приближаясь к столу и царственно опускаясь в кресло. — Я думаю, что...

— Я не спрашивал вашего мнения, — перебил Риаран,

и мать поджала губы. Впрочем, ей с ее мнениями он точно давал слишком много воли, поэтому сейчас если и стоило кого-то винить в том, что она обожает их высказывать, то только себя.

— Я хотела помочь, — заявила она. — И сказать, что Эстель — достойная девушка, куда более достойная, чем эта неблагодарная оборванка Антония. Ей просто нужно время.

— Мне нужна Антония, — хмыкнул князь, и у матери расширились глаза:

— Антония? Но...

— Я хочу убедиться в том, что в ней не осталось искры.

— В ней совершенно точно не осталось искры, — княгиня ощутило расслабилась в кресле. — Насколько вы помните...

— Мне надо в этом убедиться.

Она махнула рукой.

— Ну, как скажете. Хотя весьма вероятно, что она будет ныть и жаловаться на то, что Оромонд отнесся к ней недостойно, как делает всегда.

— Оромонд всегда относился к Антонии недостойно? — Риаран усмехнулся.

Мать сдвинула брови:

— Я о том, что она всегда жалуется! Эта девчонка, вместо благодарности за то, откуда мы ее вытащили, только и делала, что ныла, ныла и ныла. Туар Оромонд — достойнейший, он никогда не позволит себе ничего лишнего или грубого в отношении знатной йяры. Хотя какая она знатная...

так, оборванка, бесприданница.

— То есть в отношении незнатной, он может позволить?
— хмыкнул князь.

— С вами совершенно невозможно разговаривать сегодня! — возмутилась княгиня, поднимаясь. — Я шла, чтобы поддержать своего сына, а наткнулась на издевки и насмешки!

— Премного ценю вашу поддержку, — в тон ей ответил Риаран, поглаживая зевнувшего Эрла. — Но предоставьте мне самому разбираться с этим, а если хотите кого-то поддержать, лучше загляните к Эстель. У нее помимо камеристки здесь никого нет, фрейлин ей пока не отобрали, насколько мне известно.

Сверкнув глазами, мать развернулась и вышла за дверь. Демонстративно закрыв ее гораздо тише, чем она закрывалась. К матушкиным манипуляциям Риаран привык с детства, а, учитывая тот факт, что детство после смерти отца закончилось быстро, у него было очень много времени, чтобы научиться им противостоять и не вешать на себя все то, что на него пытались повесить всеми правдами и неправдами. Окажись на его месте кто-то более слабый и ведомый, мать бы прогнула его на раз и слепила из наследника Эйрузии то, что считала нужным. Еще и правила бы за него, а точнее, через него. Но к счастью, отец забрал Риарана от нее, едва тот родился, и воспитал так, что навязать ему свое мнение или чувство вины было нереально.

Постучав пальцами по столу, князь поднялся.

Пожалуй, пора навестить бывшую невесту и убедиться в том, что в ней не осталось его силы. Его частицы. И что она не является той самой помехой, которая не позволяет Эстель принять искру, чтобы он, наконец, мог объявить о помолвке.

В этом году Эйрузия должна обрести Искру. А в следующем году у него уже должен родиться первенец. Только так, и никак иначе.

Риаран приказал начальнику стражи организовать для него сопровождение, а сам поднялся на плато. Отсюда было удобнее всего взлетать, а еще здесь было невероятно красиво. Осенняя столица расцвела всеми красками, от огненной охры и золота до безбрежной синевы небес. Мосты и башни, бурлящая река, словно живая сталь на контрасте с уже покрывающимся снегом горами. На поверхности краски расплывались, становились менее четкими, менее яркими, а сама картинка — словно размазанной перед глазами нерадивым художником.

Зато слух и обоняние обострялись настолько, что Риаран вполне мог определить, кто и где к нему движется, а звуки осени дорисовывали пейзаж таким, каким он помнил его по картинам и по воспроизводящим артефактам.

Когда у него появится Искра, он сможет видеть все это ее глазами. Сам он мог видеть столицу в темноте (как только на Эйрузию ложились сумерки, зрение улучшалось), и она, бесспорно, была красива, но Риаран хотел увидеть ее днем.

Именно увидеть, а не услышать или почувствовать.

Когда к нему приблизилось сопровождение, князь начал оборот. Сначала по венам потекло пламя, и чувство было в точности такое же — как будто вены наполняет лава извергающегося вулкана. Но очень скоро неприятные ощущения стирались, подчиненные магии раскрывающего крылья дракона.

Риаран взмыл ввысь, оставляя город и горы внизу, и следом за ним устремились другие сопровождающие его драконы.

Аня

Тень сделал резкий выпад, но я изящно ушла в сторону, сделала подножку и отправила мужчину на землю через кувырок. Правда, разлеживаться он не собирался: сгруппировавшись, он тоже сбил меня с ног одним движением. Вскочили мы одновременно, встав лицом к лицу, каждый внимательно следил за другим и готовился к новой атаке.

С той ночи, как Данстон спас меня, прошло больше двух недель, и да, прозвище Тень к нему прилипло намертво. Однажды я назвала его так, и он сначала вскинул брови, а затем долго смеялся: ему явно понравилось мое сравнение. И да, я присоединилась к революции, которая на деле оказалась не такой уж маленькой.

Пока я могла только размышлять насчет смещения Гемнора, другие давно вовсю готовились к его свержению. Несмотря на то, что комендант буквально правил Герменерром и держал город в криминальных рукавицах, вместе с числом его приверженцев росло и число недовольных его политикой. Не только на Первом уровне, но и на Втором, и даже на Третьем.

Жадность фраера сгубила — это было как раз про Гемнора. Она почувствовал собственную безнаказанность и ушел в отрыв, считая, что всех можно либо купить, либо припуг-

нуть, либо заказать, как он попытался сделать это со мной, когда отправил банду по мою душу.

В этот раз Тень медлил, и я напала первой: конечно, в настоящем сражении я бы не стала так делать, потому что нападающий почти всегда в более уязвимой позиции, но это был тренировочный спарринг. Мы встречались с Данстоном каждое утро, на рассвете, и вечером, после заката, чтобы потренироваться в лесу за пределами замка или на крыше одного из домов нижнего уровня как какие-то шаолиньские монахи из фильмов. Меня интересовала моя физическая форма, его — мастерство из другого мира. Сначала он откровенно меня щадил, потом я «повалила» его несколько раз по земле и затронула хрупкое мужское эго, и тогда наши спарринги стали серьезными и эффективными.

Это было действительно то, чего не хватало телу Антонии, чтобы перейти на другой уровень. Хотя для настоящего роста мышц требовались месяцы тренировок, я уже становилась сильнее и быстрее.

Конечно, приходилось переодеваться в мужской костюм и укладывать косы на голове: я хотела их обрезать, но увидевшая меня с ножницами Эльга сначала чуть не упала в обморок, а затем ударилась в слезы. Вместе с Заллой они уговорили меня не портить «девичью красу».

— Вы и так как мужчина ходите! — упрекнула меня Залла. — С солдатами якшаетесь! Раз ваши чудесные щечки пропали, так хоть волосы оставьте, как напоминание о своей

красе!

К слову, помимо щек у меня ничего не исчезло, как были крутые бедра и большая грудь, так все на месте и осталось. Зато корсет пригодился: я надевала его на время бега и тренировок.

На самом деле упреки девочек меня не цепляли, потому что я всегда работала и дружила с мужчинами, это было частью моей жизни, чем-то привычным для меня. К слову, Данстон был офицером, и наши встречи носили совсем неромантический характер. А еще как бы сопливо это ни звучало, рядом с ним я чувствовала себя собой. Аней Макаровой, капитаном полиции, стражем правопорядка и попаданкой, которая могла надрать зад даже дракону.

Это невероятно окрыляло: то, что не надо притворяться и быть кем-то еще.

Что меня немного расстраивало, а еще больше настораживало — Тень мало рассказывал о себе. Я знала, что он офицер. Что его перевели в Герменерр полгода назад. Я даже не знала, назвал ли он мне собственное имя или выдуманное. Однажды я спросила его об этом прямо, на что Тень ответил, что это было бы как минимум нечестно по отношению ко мне.

— Доверие есть доверие, — сказал он. — Но я попрошу тебя не распространяться о нем. В лучшем случае тебе не поверят, решат, что ты клеветешь на благородного йяра. В худшем, это может стать проблемой.

— И многим из своих союзников ты называешь свое имя?

— Немногим, — усмехнулся он так хищно, что я решила, что дальше будет фраза в стиле: «Но после этого они долго не живут». — Но ты, Аня, входишь в их число.

Когда спустя время я спросила его, зачем благородному йяру революция, он ответил:

— Не могу стоять в стороне, глядя на то, как Гемрор распоряжается судьбой целого города. Он ведь не только внизу бесчинствует. Верхам тоже достается.

Цель, конечно, была благородной, но я не вчера родилась. Собственная интуиция, полицейское чутье, называй как хочешь, подсказывали мне, что помимо этого есть что-то еще. В общем, я чувствовала, что в этом вопросе Данстон не до конца со мной честен. Это не позволяло довериться ему на сто процентов. Но пока у нас была общая цель, и нас обоих это устраивало.

Тень схватывал на лету и с легкостью блокировал мой выпад, а затем отправилась «полетать» уже я. Удар о настил вышиб из меня дыхание, но только меня раззадорил. Когда Данстон протянул мне руку, чтобы помочь подняться, я сделала обманный маневр и уложила его на лопатки.

— Не зевай, — прорычала, оказываясь сверху.

— Сдаюсь, — простонал он, сверкнув ярко-оранжевыми глазами. Огонь в его радужке проявлялся редко, вызывая во мне странные чувства. Благодаря Риарану я не любила драконов, но теперь подписалась на сотрудничество с одним из

них. Только временами я забывала, что Тень дракон, и относилась к нему как к человеку.

А потом наталкивалась на драконий взгляд и разом вспоминала, с кем имею дело.

— Почему Гемрор не боится дракона в своем окружении? Почему не видит в тебе угрозу?

Улыбка Данстона мгновенно слетела с его лица. Он с легкостью хищника оттолкнулся от настила, и я тоже оказалась на ногах. Только легкость нашей тренировки словно растаяла вместе с моими словами.

— Потому что я дракон без магии, — ответил он, поворачиваясь ко мне спиной. — Вот он и не принимает меня всерьез.

— Но у тебя есть... — Я хотела сказать «магия», но тут весь город словно взорвала местная «сигнализация». Затрубили в трубы, будто на нас как минимум напали.

Мы с Тенью, не сговариваясь, метнулись к лестнице. На улице мы тормознули пробегающего мимо мальчишку.

— Уже известно, что случилось? — потребовал у него Данстон, успевший натянуть капюшон и скрыть нижнюю часть лица платком.

— Драконы летят! — выдохнул он, и сложно было сказать, чего больше во взгляде мальчишка: ужаса или восторга. — Дозорные засекли драконов! Не просто драконов! Сюда летит Великий князь!

Взгляд Дана стал не просто холодным, он стал ледяным. Я не представляла, что он может таким быть в принципе, в нашу первую встречу, до знакомства, он и то смотрел дружжелюбнее. Паренек уже убежал, а я поинтересовалась:

— Что происходит?

Спрашивала я скорее о том, что здесь делает Князь, как часто он здесь это делает... в общем, все такое, насущное, но Дан истолковал мой вопрос по-своему.

— У нас с княжеским семейством давняя история.

Ой.

Я не рассчитывала копнуть так глубоко, да и, если честно, я вообще не рассчитывала больше когда-либо увидеть чешуйчатую проблему Антонии на горизонте. Складывалось впечатление, что в этом гарнизоне князь никогда и не был, потому что при всех недостатках Риарана он не представлялся мне мужиком, который закрывает глаза на такое. Но, возможно, я ошибалась. Как бы там ни было, это мне сейчас предстояло проверить.

Потому что я собиралась с ним поговорить. Рассказать ему все. Всю правду, начиная с прелестного ужина с милейшими туарами и заканчивая происходящим на Первом уровне. Детьми, вынужденными голодать, солдатами, у которых нет даже перевязочных материалов из-за того, что они осме-

лилились нарушить какой-то приказ местного царька. И поставки оружия тоже не забуду упомянуть.

— Что ж, возможно, это и к лучшему. Я поговорю с главным драконом Эйрузии...

— Тебе нельзя с ним видаться.

Слова Дана прозвучали как обухом по голове.

— Что? Почему?

— Потому что увидаться с ним ты можешь только у Гемрора в замке, а живой ты туда не доберешься. Он не позволит, чтобы ваша встреча состоялась.

— Я — бывшая невеста Риарана, он может прислушаться к моим словам, и тогда нам не придется проливать кровь...

— Ты правда считаешь, что пройдешь живой через три уровня?

После того случая на меня больше не пытались нападать. Возможно, потому что у Гемрора появилась новая проблема — загадочный мститель с огненным хлыстом. Это здорово отвлекало, особенно учитывая, что тот был неуловим. За голову Тени была назначена очень большая награда, но Дан говорил, что риск того стоит. Пока Гемрор отвлекается на него, он не заметит первые признаки революции у себя под носом. В этом он был прав. Как и в том, что комендант не позволит мне увидаться с бывшим женихом, поэтому я кивнула, признавая его правоту.

— А ты со мной не пойдешь. Даже ради того, чтобы я с ним увиделась, и мы закончили это все по щелчку пальцев?

— Нет.

— Расскажешь? — спросила я, глядя Дану в глаза.

— Не сейчас. Мне надо возвращаться.

Мы даже толком попрощаться не успели, потому что Тень уже затерялся на улицах мгновенно оживившейся крепости. В толпе. Люди высыпали на улицы, задирали головы в надежде увидеть князя и его кортеж. Я же зашагала к себе, размышляя о том, что сказал мне Дан, гораздо больше, чем о предстоящем визите дракона.

Зачем он здесь?

— Летят! Летят! — заверещала какая-то женщина рядом так оглушительно, что у меня заложило уши.

Плотность людей в узеньких улочках сейчас была такая, что самое то ловить карманников. Я невольно вскинула голову и увидела князя. Его дракона я помнила отлично, и по собственной памяти, и по памяти Антонии. Роскошный и мощный белый зверь с серебристыми отблесками чешуи. Рядом с ним его сопровождение смотрелось, ну... мягко говоря, хиловато. Хотя рядом с князем, как мне кажется, хиловато будет смотреться любой, на нем же одежда не трескается только благодаря индивидуальному пошиву и, возможно, магии. Эта гора тестостерона и мышц выглядела угрожающе как в теле дракона, так и в теле двуногого, и я вдруг ощутила странную дрожь внутри.

Снова память тела Антонии, которая боялась его так долго, на таком инстинктивном уровне, что даже сейчас, после

многочисленных тренировок это не помогало избавиться от странного чувства, окутывающего меня изнутри, как лавуальский туман горы. Пугающего и будоражащего одновременно.

Я начала быстро протискиваться через толпу, и не только из-за этих непривычных ощущений, но и потому, что если (вдруг) Гемрор все еще не оставил затеи от меня избавиться, сейчас самое время. То ли так сработал разговор с Даном, то ли моя интуиция, потому что я увидела блеснувшую в сантиметре от меня заточку. Я едва успела уйти в сторону, а вот стоявший совсем рядом мужчина — нет, и оружие рассекло ему шею. Он завопил и схватился за горло, повалившись на шербатую мостовую, восторги от драконьего прилета сменились воплями и паникой, все заметались, оттеснив от меня очередного подосланного комендантом убийцу. Разумеется, в такой толчее схватить его не представлялось возможным, но вдруг метавшиеся с дикими глазами люди застыли на месте.

Я заозиралась, пытаюсь понять причину происходящего, но поняла ее только когда нас накрыла тень. Державший курс на замок дракон развернулся и сейчас снижался прямо на улицу.

Я представила, как княжеско-драконья машина садится сюда, застревает, как тот Винни-Пух, пытается вырваться, но в итоге ждет, когда похудеет, и с губ сорвался нервный смешок. Но князь поступил иначе и разрушил мой вариант раз-

вития событий в полете, обернувшись прямо над домами и прыгнув на мостовую с высоты крыш. Несмотря на то, что под его ногами до сих пор таяли остатки магии, это все равно получилось эффектно.

Люди вокруг заохали и начали падать на колени, утыкаться лбами прямо в грязные камни, замирая в такой позе. Я же просто смотрела на то, как ко мне приближается Великий князь Эйрузии, который с каждым шагом все больше сдвигал брови, глядя на меня. Да что там, он смотрел на меня как будто вообще не узнавал.

Но узнать ему меня все-таки пришлось, потому что, несмотря на определенные трансформации, я все равно осталась той, кого он... использовал и вышвырнул за ненадобностью. И вместо того, чтобы попросить прощения за такое отношение к женщине, этот дракон выдал снисходительно-высокомерное:

— Ну здравствуй, Антония.

«Hy

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.